

Медорія старо-испанской поэзіи въ XI вѣ.

Въ другомъ романсѣ, представляющемъ барьянцу къ эго-
му, Урака выразилась еще окровавлено: „Я буду продавать
свое злыло матрѣ за деньги, христіанствъ изъ милосердія
и что вырву, буду отдавать на поминъ вашей души“.

Король Фердинандъ Великій, глубоко огорченный
закономъ дочери, отдаетъ ей крѣпкій замокъ Заморы
и налагаетъ проклятіе на того, кто попытается оудитъ
у ней ея владенія. Все сказали „Аминь!“ Только одинъ
домъ Санчо продолжалъ.

По смерти Фердинанда Войны, бывший почти неиз-
бѣжнѣ слѣдствіемъ этого раздѣла, и участіе примина-
емое Сидомъ въ осаду Заморы, доставившая въ чуждыя ко-
ролевѣ Ураку, осаждаемой бразомъ своимъ, Санчо Храб-
рымъ, составляющъ содержаніе новой серии романсовъ.
Въ одномъ изъ нихъ Сидъ, посланный Санчо зрѣбовать сде-
ли города, выслушивающъ угрозы и насмѣшки отъ Ураки.
Когда онъ подвѣхалъ къ слабому пункту крѣпости, Ура-
ка съ бабами говоритъ ему:

<i>A fuerza, a fuerza, Rodrigo,</i>	Прочь, прочь, Родриго,
<i>El soberbio Castellano!</i>	Гордый кастильецъ (кастилецъ)!
<i>Acordarte te debria</i>	Ты долженъ припомнить
<i>De aquel tiempo ya pasado,</i>	То прошлое время,
<i>Quando fuiste caballero</i>	Когда ты былъ посвященъ въ рыцари
<i>En el altar de Santiago;</i>	На алтарѣ св. Якова;

романсы „Durandarte, Durandarte“, написанный в 1512, есть, очевидно, подражание нашему романсу в это время уже пользовавшемуся большим изобилием. Писатель приводит его по одной из самых старинных рукописей, огуцкая лишь последняя строка, которая, повидимому, составляет позднейшую приписку. Это был один из наиболее популярных старинных романсов и на него часто ссылаются писатели лучших эпох испанской литературы, как напр. Сервантес в „Rocinante y Sigismunda“ (Lib. III, с. XL), а Тиллен де Кастро пользовался им в своей трагедии „Mosedades del Sid“, которую подражал Корнель.

Романсы рассказывают об убийстве короля Санчо и в огуцких красках изображают эту клевету, которую, по преданию Сиды, должен был дать его наследник Альфонс. Ибо Альфонс VI возмущен на престоле по смерти Санчо, погибшего позорным образом в битве из-за мести перед сеньорами Заморы. Сидь поссорился со своим повелем владыкою и был изгнан. „Злая клевету по преданию ты слышишь от меня, Сидь“, говорит ему повелем король, „от меня, у которого ты должен получить руку. Сядь мой владыка, злой рыцарь, и не возвращайся сюда ранее года.“ — „Это мне правдиво“, отвечает Сидь, „это мне огнем правдиво, потому что это первый приказ, который ты издаешь в своем царстве. Ты меня

изгоняешь на одинъ годъ, а я себя изгоняю на четыре?"
И Сидъ весело отправился въ изгнание съ зоо рыцарей;
все они были высокаго рода; все люди молодые; не было
ни одной стѣдой головы...

Съ этого момента начинается уже упомянутая старин-
ная поэма; но какъ объ этихъ событіяхъ его жизни, такъ
и о послѣдующихъ романсахъ даюхъ самый полный и по-
слѣдовательный отчетъ, изобразила намъ ксеро съ желъ-
чайшими подробностями завоеваніе Сидомъ Валенсиі,
возвращеніе ему королевскихъ милостей, его зорисерво
надъ графами Каррионскими, его сфаросеръ, смерть и погре-
беніе.

Сидъ не только по поэмы, но и по романсамъ обжа-
мывается евреями, но не забываетъ о своемъ долгѣ и, рас-
плачиваясь съ ними, проситъ у нихъ извиненія:
Хоръ и былъ въ сундукахъ песокъ, но въ этотъ песокъ
было золото его правды.

По отношенію къ королю Сидъ изгнавшись въ
даль себя съ большимъ достоинствомъ въ романсахъ,
къ въ поэмы; посылалъ ему подарки, онъ явно про-
низиралъ надъ нимъ. "Да не прилежь онъ за гордосеръ,"
говоритъ Сидъ Ансфрансу черезъ своего посланнаго, "что
я данско гущихъ королей плачу долгъ своему; какъ
господинъ, онъ озялъ у меня мильоніе, и я, какъ нищій,
плачу ему гущихъ добромъ". Во время примиренія съ

королева Сидя не только не унижает себя излишней
угодливостью, но сама ставит королю условия: он должен
дать льготы дворянам, городам и всему народу.

История догерей Сиды и инфантов Каррионских
(или зорисефа надъ графами Каррионскими) въ романе,
какъ пересказывается согласно съ поэмой; только замѣтно
влияніе болѣе мягкихъ и деликатныхъ нравовъ рыцарь,
свѣтлой эпохи.

Самое-собое раздумывается, что и въ старинныхъ ро-
мансахъ характеръ героя не всегда одинъ и тотъ же: въ
однихъ онъ добрый, преданный вассалъ, похожий ^{на} „Моего
Сиды“ (Mio Sid) поэмы; въ другихъ гордый, самонадеян-
ный феодалъ — Родриго „Хроникъ“. Первый подвигъ Сиды въ
романсахъ, какъ и въ „Гимнованной Хроникѣ“ (Crónica
simada), удѣство графа Лозано или Тормаза, оуца Хи-
менсы. Но ссора оуца Сиды съ Тормазомъ передается иначе.

Романсы воспеваютъ не только живого Сиды: онъ и
мертвый совершаетъ подвиги. Въ моментъ его смерти Ва-
ленсио осаждал мавры. Чтобы не ободрить враговъ ра-
достью извѣстїемъ, зало герой надлозамировали, во-
оруживъ съ головы до ногъ, и вырвали изъ города. Мавры
были разбиты наголову.

Уже несколько мѣтъ зало Сиды въ сидальне положе-
ніи находилось въ монастырѣ Пеэра Карденскаго. Разъ, ког-
да около зрупа его никого не было, къ нему подошелъ

еврей и какъ разсуждалъ про себя: „Вотъ идишь поутру
 Тарой, къ бороде козорога при жизни никто не смѣлъ
 прикоснуться; а теперь я заложу, какъ возьму его за боро-
 ду, и еврей прозянуть-было руку. Вдругъ шершвецъ схва-
 тился за свой мечъ и позынулъ его изъ кошичь. Еврей
 такъ испугался, что принялъ крещение и умеръ моча,
 хоть въ домъ же монастыря Петра Карденскаго.

Романы эти, вздыме въ совокупности, представляють
 какъ картину, которую Тердери и испорковь. Моллеръ счи-
 таютъ въ основательнѣе зеркаль государственной исторіи и ко-
 радъ есть ничто иное какъ простое поэтическое изложе-
 ніе преданій, ходившихъ въ народѣ въ различные эпо-
 хи, когда были написаны ея различными гасри.

Дѣйствительно, въ ранній періодъ той эпохи, ко-
 да были написаны историческіе романы, возмечать
 для нихъ служили преимущественно подвиги легки,
 дарившихъ народныхъ героев, а не извѣстная, засвидѣ-
 тельствованная исторіею, историческая событія. Конечно,
 легковерный патриотизмъ приписывалъ много вы-
 словъ къ тому, что передавалось о подвигѣ геро-
 яхъ; въ глазахъ современнаго человека болшая часть
 этихъ романовъ лишена всякаго правдоподобія, какъ то
 мы не носимъ не согласимся съ полными здраваго сна,
 сла заточивать каноника въ домъ Киндоль: Месалъ,
 никакъ, что подобные люди, какъ Сидъ и Бормардо дель

Карнио, существовали, но весьма сомнительно, чтобы они совершили таинственные иль подвиги („En lo que hubo Cid, no hay duda, ni menos Bernardo del Carpio; pero de que hicieron las hazañas que dicen, es otra muy grande“). Возьмем взгляд на предмет, очевидно, которого сущность Сервантеса почти всегда верно, вполне рациональна, и составляет разительную противоположность с одной стороны с срамными легковерными людьми, которые подобно Гердеру и Мюллеру, расположились сиза разе рочнаться за доверительные исторические документы, а с другой стороны с упорными неверными мастеу, от которых самое существование Сиды. Мы с своей стороны не могли указать в известной даль правды орожденному изречению Санго: „чтобы даль ни говорили, старинные романы слишком сфари, чтобы говорить оны“. Пыль не менее некоторые из них грешны в зомь. — X

Встае романоу, востывающае подвиги Сиды, известно бытсе 200; между ними старинных, ф.е. от, находящихся по своей основе во XII, XIII и XIV вьках, счизае около 40; остальные представляе переложение из ринкованной или прозаической хроник о Сиде и других литературных памятников, или издуженное подражание старинных романсам. Кроме того в позднейший период романы пишуща на всякого

рода сюжета, какъ древнiе, такъ и современныя, какъ дулов,
нае, такъ и свѣзскiе. Даже съ легендъ Трещин и Рина
была собрана дань, какъ будто отъ на сапомъ дѣль иль,
ли историческое основанiе.

Въ легкой формѣ романса испанецъ слушаеу
и поетъ о подвигахъ Сиды, Бернардо дель Карнио, инфан-
тахъ Лары, Рено Монфобанскомъ, о геродахъ романовъ Круг-
лаго Сзона и авантюрныхъ романовъ, объ историческихъ
лицахъ своей и чужой исторiи, о чудесахъ Христа, Богоро-
дницы и свѣтахъ, объ Адамѣ, о царѣ Давидѣ, объ Андрѣ
медѣ, Пиратѣ и Пиздѣ и пр., и пр. Хороше сказавъ, какъ,
что знаеу испанскiй народъ изъ своего и чужого про-
шлаго, отъ находивъ въ своихъ романсахъ. Но во вся-
комъ случаѣ наибольшее число романсовъ ильеу отъ,
пошение къ испанской исторiи больше, чѣмъ къ какой
любодругой, и испанскiе романсы, вообще, наилучшiе.
Самая поразительная особенность всей массы романсовъ,
взятой въ цѣломъ, это, можеу быть, та сила, съ которою
они выражаютъ национальнiй характеръ. Вѣрность
и преданность королю господствуеу во всякъ пошунъ,
какъ иль героевъ. Владыкель Бурраго (Бюйраго) шерьву-
еу жизнью для спасенiя жизни своего государя; Сидъ отъ-
правляетъ богатырю своего доблчу посылъ побѣду въ Вален-
сiи королю, козорнiй послалъ его зуда въ севилку; Бер-
нардо дель Карнио покоряеу дядю, козорнiй низко и грубо

оскорбляеть его сыновній губецва; когда въ одномъ изъ по- добныхъ случаевъ король оботелся съ нимъ самымъ поспуд, нимъ обрадамъ и оскорбительскимъ образомъ, Бернардо озвочалъ ему:

¡Ejote, Rey sois, y canedes

A viestro dieres y guisa.

(«Государь, вые король, и боленъ поспудъ по вашему усмотренію, согласно вашей воли»); и когда, наконецъ, доведенный до отчаянья, онъ возсаетъ прозривъ этого дяди, романы и хроники рѣшительно покидалоу его. Однимъ словомъ, эти и другія ярко выдѣляющія герцога національнаго испанскаго характера поспудно иро, являютъ въ старыхъ неоринескихъ романахъ.

3. Еврейскіе романы.

Это—романы, въ которыхъ говорится о приключеніяхъ евреевъ. Эти романы составляютъ сами по себѣ многочисленную группу, блестящій и обширный оудель, но относящая къ позднѣйшимъ временамъ. Не одинъ изъ этихъ романсовъ не можетъ поспорить въ древности съ ранними неоринескими. Тѣмъ не менѣе, самые сюжеты ихъ указываютъ на позднѣйшія времена, на позднѣйшее происхожденіе. Немногіе изъ нихъ касаются героевъ или событийъ ранней половины Трамады. Но и въ этихъ немногихъ встречается много указаній характера болѣе ювѣйшаго и христіанскаго, чѣмъ еврейскаго.

затекаго. По совершенномъ уничтоженіи мабрикан-
 скаго — мабриканого магическаго, когда побѣдили впер-
 вѣе верунили въ полное владѣніе зѣльмъ, что было са-
 мого роскошнаго въ цивилизаціи мѣль врановѣ, народная
 поэзія испанцевъ не могла ухитрѣсь оуъ увлеченій гурнды,
 ми ей созидатели и она была увлечена новѣльмъ для нѣя
 очарованіемъ. Благоразговорѣнной, роскошной южной
 климатъ, съ живописными ландшафтами; икозель,
 мнѣ, но не совсѣльмъ гурнды испанцамъ, кравы шиделей;
 великолѣпная и французская архитектура; разска-
 зы о воинственныхъ подвигахъ, бодствіяхъ и морские,
 нѣльмъ при Базъ, Рондъ и Алгантъ, переплетенные
 романтическии приключеніями и кравыми распрѣ-
 ми Зегрисовъ, Абенсерговъ, Томеловъ и Алиафаровъ, — все
 это сильно подѣйствовало на испанское воображеніе
 и превратило Гранадъ, съ богатыми долинами и стѣпными
 горами, въ эту волшебную страну, коздой не могла соз-
 дать древнѣйшая и болѣе суровая поэзія совершенныхъ
 романсовъ. Съ этого времени образуется новый родъ,
 новый классъ сюжетовъ, какъ-то: любовная похищенія
 Тагуля и Абидарраеса, увеселенія и зурныры въ Би,
 баррамбъ и рассказы изъ арабскихъ ночей въ Тене,
 ралифъ; словомъ, въ испанскіе романы вошло зенеръ
 все, что касалось мабриканскихъ преданій или кравовъ, или
 что приписано имъ народными воображеніемъ. Это,

упорядоченіе эрми мавризанскими сюжетами доходить
 далее до слѣдующаго и сами романы подчиняются
 другъ надъ другомъ за означеніемъ оръ національности
 и патриотизма и за оцѣнкою оръ содѣянныхъ со-
 творцовъ. Напр. въ музливовъ романъ „Tanta Fajda y
 Adalifa“ читаемъ слѣдующее:

Renegaron de su ley „Они отреклись оръ своего закона, —
 Los Romancistas de España, Писатели испанскихъ романсовъ
 Me ofresieron a Mahoma И поднесли Магомету
 Las primicias de sus galas. Плоды своихъ талантовъ.

Dejaron los graves hechos Они пренебрегли важными дѣлами
 De su vencedor patria, Своего побѣдоноснаго оземлеца
 Me mendigan de la agenda И оуправилмъ выпрашивать у соседняго народа
 „Invenciones y partaņas?“ Вымысловъ и высокихъ подвиговъ.“

Мушъ де-Тонгора также нападаетъ на эрми означеніемъ
 въ своемъ прележномъ романъ „A mis Señores poetas“,
 а въ другомъ романъ, начинающемся словами „Porque,
 Señores poetas“ саркастиче зашучиваетъ ихъ. — Не можно сказать,
 чтобы болшіе оромансовъ на маврскіе сюжеты и въ
 особености романы на вѣдѣіе Трамады, не были бы
 народными произведеніями и въ нѣкоторыхъ случаяхъ
 почти современными описываемымъ въ нихъ событіямъ.
 Несомненно они удовлетворяютъ обонимъ требованіямъ. Но
 эрму же ордѣлу дошли бы оромансы, востан-
 вляющіе возвращеніе мавровъ во времена Фриминта II и

1 См. „Flor de Romances“ (Parte I, Burgos, 1594, f. 152).

тесное и близкое отношение их к царствованию Филиппа III. I. Имя Элоа, когда эрота родъ поэтических произведений былъ въ модѣ, эрота-эполотзіе, непосредственно следовавшее за паденіемъ Гранады, эполотзіе, впрочемъ котораго всѣ роды романсовъ были въ первый разъ записаны и изданы. Доказательствомъ этого служатъ первые сборники ихъ. Въ сборникахъ 1511 и 1550 г. содержались лишь некое мабрижанскіе романсовъ, между тѣмъ какъ въ сборникъ 1593 г. ихъ болѣе чѣмъ двухъ сотъ. Двойственный, но, въ содержаніи ихъ входить извѣстная событія, романтический колоритъ преобладаетъ въ нихъ (романсы этого оудала) и составляетъ главную ихъ прелесть, однако ихъ (романсовъ этого оудала), въ сущности, нельзя признать за историческіе. Такъ, напр., въ извѣстномъ романсѣ о фюртисъ въ Толедо, упоминается мѣсто, какъ полагаютъ, до 1085, упоминается о лицѣ, жившемъ въ это время, непосредственно предшествовавшему паденію Гранады; въ романсѣ же о королѣ Белсхизъ, и во многихъ другихъ, сюжетъ ихъ во многомъ вымышленный. Эрота фраза подзвучивается словами «Восходящая звезда Венеры» (Sale la estrella de Venus), составляющими начало одного изъ самыхъ лучшихъ романсовъ въ «Romancero General», романса, который своимъ упоминаемъ Венеры и Рода, монда и ошибочнымъ предположеніемъ, что мабръ былъ алкадано Севильи эполотзіе спустя время того,

1) Романсы эти можно найти въ обширномъ сборникѣ романсовъ Дирана, Т. II, 1851, pp. 103-142 и 162-192.

какъ Севилья была христіанскимъ городомъ, (все это) заставляетъ думать, что романсы Эзова ^{о быт.} обязаны своимъ происхожденіемъ не серьезной мысли, но развѣду на поэтич. гескій эффектъ.

Почты не менше эти романсы и мавританско др. гиль о знаменитой Гадзиль, вѣроятно жившей въ народной мерорин «Гранадскихъ воиновъ», где они признаются со. временными описываемымъ въ нихъ событіямъ, представляють собою прекрасные образцы поэзии, въ которую французы испанцевъ любила одевать главнѣйшее со. Гадзіе своей національной мерорин. Лучшие романсы о Гадзиль начинаются: «Por la plaza de San Juan» и «Vistan do toda la corte». Другіе романсы Эзого же охоты со. обязаны рассказы, отчасти или вполне баснословные, о Мухе, Харифе, Анзаро и Старфе. Наконецъ, большее число романсовъ наполнено описаніемъ и дѣйствіемъ со. пернищества, заговоровъ и приключеній знаменитой. миль изъ Зегриесовъ и Абенсераговъ. Изъ французовъ, при. водимыхъ въ эти романсы, явствуетъ, что вымышленная распри не менше вымышленныхъ пороченій способствовали окончательному низложенію, совершенному уничтоженію мавританскаго-мусульманскаго могущества. Мно. которые изъ этихъ маврскихъ романсовъ были, по всей вѣроятности, сложены во времена Фердинанда и Иза. Беллы; ⁽⁺¹⁵⁰⁴⁾ многие во времена Карла V ⁽¹⁵¹⁹⁻¹⁵⁵⁶⁾ ^{(самые же блестящие}

1) Historia de los Vandos de los Zegries u Abenserrages, Caval, los moros de Grenada.

по формѣ, нѣсколько позже.

4. Романы, изображающіе гасцуную жизнь.

Испанскіе романы не ограничиваются героически, или сюжетами, заимствованными изъ области вымысла или песторіи, или мнѣющими отношеніе къ наврауанскимъ преданіямъ. Есть еще одинъ родъ романсовъ, изображающій гасцуную жизнь и характеризующій нравы. Это гасцунскій родъ романсовъ, который можно назвать сѣвѣшными и значеніе котораго не намоважно. Поэтическій гасцунъ, даже низшихъ слоевъ испанскаго народа, обнимали множество предметовъ, и народный гений изъ природы свободной, какъ вѣтеръ, оставилъ безграницное множество воспоминаній, доказываю, щихъ разнообразіе народныхъ ощущеній, живость и множественность народныхъ впечатлѣній. ^{Тутъ же много} Большинство этихъ сѣвѣшныхъ романсовъ — ничто иное, какъ изліяніе любви или любовнаго изліянія; но между ними много пасхушескихъ, комическихъ, сатирическихъ и пикарескихъ — такъ называемыхъ *picarresque*. Мѣсто, которое носило названіе *Letras* или *Letrillas*, хотя въ нихъ нѣтъ ничего общаго съ пьесами, кромѣ имени. Они — ничто иное, какъ небольшие поэмы, предъ назначенныя для танцевъ; много лирическихъ по тонку, если не по формѣ, и множество — изображающихъ нравы и забавы народа, въ обширномъ смыслѣ. Но все

они имеютъ одну общую характеристическую черту — вѣтъ они вѣрно охватываютъ въ себя частную жизнь испанцевъ. Мы уже упоминали о нѣкоторыхъ изъ нихъ, изданныхъ весьма рано. Въ ряду старинныхъ испанскихъ романовъ, собою они безспорно самые прелезныя и самые характерныя, рисункическія; при этомъ многіе изъ нихъ дѣлаютъ просодическое, музыкальное и юморное; такое, напр., романсы:

<u>Reino con Juanelita</u>	Съ Хуанитой спорилъ
<u>Su hermana Miguela;</u>	Въ сестра Мигуэла,
<u>Palabras le dice,</u>	И ей говоришь слова,
<u>Que mucho le duelan:</u>	Сильно ее огорчаютъ:
<u>Ayer en mantillas</u>	Вчера въ манжилетъ
<u>Andabas pequeña,</u>	Ты выходила, крошечка,
<u>Oy andas galana</u>	Сегодня ты наряжена
<u>Mas que otras doncellas.</u>	Лучше другихъ молодыхъ дѣвушекъ.
<u>Tu gozo es suspiros,</u>	Твоя радость — вздохи,
<u>Tu cantar endechas;</u>	Твоя пѣсня — элегія;
<u>Al alba madrugas,</u>	Ты встаетъ съ зарею,
<u>Muy tarde te acuestas;</u>	Ты ложишься очень поздно,
<u>Cuando estas labrando</u>	Когда же ты за работою,
<u>No se en que te piensas,</u>	Я не знаю, о чемъ ты думаешь,
<u>Al dechado miras,</u>	Ты смотришь на камбу
<u>Y los puntos cuentas.</u>	И прощасяешь сѣдинки.
<u>Dicenme que haces</u>	Мнѣ говоряшь, что ты делаешь
<u>Amorosas señas:</u>	Любовные знаки;

Si madre lo sabe, Если наша мать узнаетъ про это, —
 Avisa cosas nuevas: Намъ сильно досажаетъ.
 Cierra ventanas, Она заставитъ окна рѣшотками,
Cerrara las puertas; Запретъ двери;
 Para que baylemos, Ма танцы она
No dara licencia; Не дастъ намъ позволеній;
Mandara que tia Она велитъ тещкѣ
Nos lleve a la Iglesia, Сопроводитъ насъ въ церковь,
 Porque no nos hablen Чтобы не говорили съ нами
Las amigas nuestras. Наши подруги.
 Cuando fuera salga, Когда она пойдётъ со двора,
Dirale a la dueña, Она прикажетъ дучьнѣ
 Que con nuestros ojos За наши глазами
Tenga mucha cuenta; Следить внимательно.
 Que mire quien passa, Чтобы она глядела на того, кто проходитъ, —
Si miro a la reja Смотритъ ли она на балконъ,
Y qual de nosotras И которая изъ насъ
Belvio la cabeza. Поворачиваетъ голову.
Por tus libertades Благодаря твоимъ вольностямъ,
Lea yo sugeta; Я стану рабой
 Pagaremos justos И праведные поплачутъ
 Lo que malos pecan. За грѣхи злыхъ. —
 „Ay! miquela hermana, „Ахъ! мигуэла, моя сестра,
Que mal que sospechas! Какой ужасный подозрѣнїй!
Mis males presumes, Ты предполагаешь мои несчастїя,

Si eres niña y has amor, Если будучи молодой, ты испытываешь любовь,
Que acabas quando tu amor? ¿Que me dices, когда ты станешь сгариме?

Очень интересно ^{видеть} здесь в этом романсе, как сгаршая сесэра, подмозувъ въ младшей впервые призна, ки зародившейся любви, выражает ей нравоучение. Педро Флоресъ замечивовалъ этотъ романсе или letra изъ народныхъ преданий и онъ находитъся въ „Flos de Romances“ (Parte VI, 1594, fol. 27).

Раздумывая само собою, что одиные образчики, какъ бы они ни были прекрасны, не могутъ дать понятія ни о безконечномъ разнообразіи этого оудъла романсовъ, ни о въ ихъ поэтической красотѣ. Чтобы оцѣнить ихъ по достоинству слѣдуетъ просеять болшее ~~число~~ количество и признать — по возможности — въ подлинникъ, ибо только въ подлинникъ они, какъ и всякая другая неуклюже-народная поэзія, сохраняютъ свои идиозизмы, огароваземную свѣжесть, свайзвенную сгаримичность Romancesos, — свѣжесть, которая исчезаетъ въ переводахъ, какъ волонныхъ, такъ и близкихъ. Но многочисленъ и этотъ значительный оудълъ испанскихъ романсовъ, ози, кающійся огароваземного происхождения мысли и выражения, — происхождения, соединенной съ маловлибимымъ мурав. сѣвомъ и потому заслуживающій особаго вниманія. Подобной народной поэзіи не существуетъ ни на какомъ другомъ языкѣ. Болшее число романсовъ этого рода

находится въ особенномъ изданномъ сборникѣ, озаглавленномъ „Шестьдесятъ романсеро“ (Flor de Romançero, Parte ^{sexto} VI), появившемся въ 1594 г. и записанномъ Педро Фило. ресомъ, но крайней мѣрѣ, о гласи со словъ простого народа. Таковы напр. романсы: „Que es de mi contento“, „Plega à Dios que si yo esse“, „A quella morena“, „Madre, un ca, valero“, „Mal ayan mis ojos“, „Nina, quevi ves“ и пр. Они першдко напоминаютъ собою легкій и граціозная произведенія Тузскаго пресвиѣра, жившаго въ половинѣ XIV столѣтій, а по формѣ и духу могутъ быть отнесены даже къ болѣе раннему періоду.

Резюме.

Не смотря на древность романсовъ, какъ иезори, тискаго, такъ и смѣшаннаго ордоловь, (ибо одни изъ нихъ написаны около четырехъ столѣтій тому назадъ, а другіе и ранѣе того), все-таки на эти чудныя народная произведенія было обращено меньше вниманія, чѣмъ они этого заслуживаютъ. Несомненно можно сказать, что мало найдется оцрслей въ лиуературѣ другихъ странъ, которая могла бы болѣе вознаграждать чести и мауливей духъ изслѣдователя, чѣмъ старинные испанскіе романсы во всякъ своихъ формахъ. Они стоятъ совершеннымъ осод. наконъ въ ряду эпическихъ произведеній другихъ странъ Европы; въ некоторыхъ же отношеніяхъ они безспорно выше другихъ послѣднихъ. Если бы мы помнили сопо.

сравнѣе болѣе живое старинныхъ драмы или изысканную
утонченное грубадуровъ и миннезингеровъ съ перво-
бытными испанскими романсами, то превосходство
было бы, во всякомъ случаѣ, еще болѣе на стороне Эфики
послѣднихъ, воплотившихъ въ себѣ возбужденное поэти-
ческое чувство, которыхъ были пренебрежены весь испан-
скій народъ въ теченіи того періода, когда маврское полу-
шесство стало ослабѣвать мало по малу въ борьбѣ съ Эфи-
зизмомъ, ставшимъ въ концѣ неодолимымъ, такъ какъ
въ основѣ его съ самаго начала лежалъ религиозный
принципъ и вѣрноподданническое чувство.

Англійскія и шотландскія баллады, съ которыхъ
всего естественнѣе сравнивать испанскіе романсы, от-
личаются въ себѣ болѣе грубое созданіе общесува, гдѣ
царствовали суровость, жестокое право, произволь
и насиліе. Правда, такое созданіе гдѣ не менѣе по-
родило поэзію, полную энергии, а иногда и нѣжности,
но поэзія эта въ силу необходимости была лишена до-
стоинства и возвышенности, создавающихся характе-
ру, если не положенію, народа, которыхъ подобно испан-
скому, в теченіе столѣтій, вѣль борьбу, благородную
чувствомъ преданности къ религіи и царствующему
дому, борьбу, способную по временамъ поднимать духъ
и сердце своихъ подвизниковъ до высоты, недосягнутой
угасниками кровавыхъ распрѣй Бароновъ друтъ съ

другомъ или героюмъ дикимъ, оцудоуимельнымъ погря,
 нигмымъ надгоговъ. Въ справедливости этого легко убо.
 диксея, если мы сравнимъ замѣчательную серію романсовъ
 (балладъ) о Робинъ Гудъ съ романами о Сидъ и Бернар,
 до дель Карнио, или, ^{если} ~~то~~ ^{то} свѣзилиъ виказательнїемъ „Reliques“¹⁾
 Перси или „Minstrelsy“²⁾ Валтера Скотта, мы образуемъ къ
 „Романсовъ Генералъ“ и его поэтическому смѣшению наври,
 чанскаго великолѣпія и христіанской вѣрности. Если
 бы мы пожелали расширить кругъ сравненій, то мы могли
 бы ~~сравнить~~ ^{сопоставить} испанскими романами еще русскїе былинны,
 славянскїя народныя пѣсни, литовско-лаушискїя (бальтїй,
 скїя) дайтв, финскїя рунны и т. д. Мбѣ вѣтъ эти народы
 иматьгозь — почти исключительно — закую же мезитно на
 родную поэзію, какъ испанцы. ✕

Но испанскїе романы рязко озмлаюедъ оъ на,
 родной поэзіи оежалной зброны. Они прониклиудъ боъ,
 те, чѣмъ пѣсни другихъ народовъ, національнымъ духомъ,
 составляющимъ повсюду сущезветный элементъ этого
 рода поэтическїхъ произведеній. Дайсудвизельно, при те,
 нїи, они не представлїюдъ ничего иного, кромѣ великїхъ
 черъ сфаринного испанскаго характера, воспроизведе,
 нныхъ силою поэтическаго энтузіазма; оумиудъ у нихъ
 національный духъ, и они пересуданудъ сущезветное.
 Духъ зрозъ въ свою очередь сохранилъ мѣ до нашихъ
 дней и, благодаря ему, они сохраняедъ въ будудеель. Вели,

1) „The reliques of ancient english poetry“

2) „Minstrelsy of the scottish border“

кіе касрільскіе герои, какови. Бернардо дель Картіо, Пе-
лайо, а именно Сидъ, составляють до нынѣ существующій
элементъ върн и поэзіи просога испанскаго народа,
козоровъ итнѣ иль палльде поэти факсе, какъ она итн,
ласъ во времена Тозальво Кордуанскаго, или еще ранѣе,
во времена св. Фердинанда. Романы о приключеніяхъ
Гуарингоса и о пограбленіи при Ронсевальтѣ — въ Ронсеваль-
ской долины — разсѣлаются и теперь погонизиками му,
ловъ какъ итн, какъ они разсѣлались, когда Довъ Кихота
слышалъ итн во время своего путешествія въ Птободо, а
на улицахъ Севильи, на театръ маріонетокъ до сихъ
поръ разыгрываются приключенія Гайфероса и Великен-
дра, подобно тому, какъ они некогда разыгрывались въ
театральной госудиницѣ Монтезимо въ присутствіи
Довъ Кихота. Однимъ словомъ, старинные испанскіе
романы до какой степени національны, проникнуты
національнымъ духомъ, что сдѣлались воссозданны
съ народнымъ характеромъ народа, козоровъ произвели
итн, и вѣрнее съ нимъ они будутъ жить, существовать —
пока испанскій народъ сохранитъ свое независимое
существованіе.

А. М. Кирпичниковъ, у Кориа во взоромъ томъ, гово-
ритъ, что въ первой половинѣ прошлаго, XIX, столѣтія,
въ эпоху крайняго увлеченія народностию, на всѣ
романы сдѣлали какъ на палльде стодой старинны

и продукция народного творчества. Но более основательное знакомство с ними показало, что почти ни одного романа, который в своей начальной форме восходит бы дальше XIV века, и что огромное количество романов, собою обязано своим происхождением поэмам-эпикам, никаким. Рукописи романов не восходят дальше XVI века. Так и Кириллические.

Но зато отличный историк литературы забыл сообщить нам, у какого народа Европа народный поэтический эпос и собрания раньше испанских романов. Ибо в Испании только во второй половине XVIII столетия Тертер собрал "Голоса народов в поэмах". Другие народы, напр., русские, славяне, балты (лифовцы, латыши), эстонцы, финны, у которых вероятно существовал народный поэтический эпос, записали, собрали их только в конце XVIII, и в течение XIX ст. или записывали, собирали их теперь еще. Только не менее это - продукция народного творчества, и многие из них относятся к глубокой древности. Замечание это распространяется и на другие народы именно на литовско-латышский эпос. Хотя этот эпос, ни в новейшее время, однако по содержанию очень много из них можно заключить, что этот эпос-эпика эстонцы собирали раньше их записывали. Это можно отнести и к испанским романам, которые кроме того записаны и издаются раньше поэмы всех других народов,

съ 1511 г., итакъ, сравнительно съ старою сзариною.

Киршиниковъ говоритъ, что огромное количество романсовъ обязано своимъ происхожденіемъ поэтамъ-грамоукикамъ; но между романами сзаринскими и вполне украдовившимися приходящею оулучае романскы чужо-народнаго происхожденія и романы сзарскы языкъ, глеровъ, на что уже Гуттайдте (Томезръ) указалъ,¹⁾ и Киршиниковъ не доказалъ, что, это различіе не выдерживаетъ кризиса. По сужденію Киршиникова, напр., пьесы, вообще не имѣли, ^{да} повидимому, исконно-народныхъ пьесъ, ибо ихъ пьесы, каковы собраны, напр., въ „Des Knaben Wunderknoten“, обязаны своимъ происхожденіемъ поэтамъ-грамоукикамъ. И на самомъ дѣлѣ, почти все оны обязаны своимъ происхожденіемъ художественнымъ поэтамъ, подготавливавшимся подъ тою народною пьесой.

Историческое положеніе въ Испаніи во время народнаго взбужденія.

Какъ уже сказано, испанская литература родилась во времена величайшихъ народныхъ бѣдсудій. Въ Испаніи — первый голосъ національнаго взбужденія, положившій основаніе литературѣ, возвысился посреди безпримѣрной самосознательней борьбы испанскихъ Христіанъ съ маври, танскими завоевателями, древнѣйшій испанскій эпико-збореній²⁾ кажуея вдалнобвеніемъ Энегии и героизма,

1) См. его „Les vieux auteurs castillans“ Т. II. Паризъ. 1861. Стр. 252 и слѣд.

2) романы

История старо-испанской поэзии от II ст.

одушевлявшими тогда почти всех христианских обитателей Пиринейского полуострова.

Въ 711 году (по Р.Х.) мавры (африканские арабы), под предводительством Тарика и Музы, напали на Испанию, козорого владели въ то время вестготы. Король ихъ Родриго пошелъ на встречу неприятелю; произошла упорная битва при городѣ Хересе де ла Фронтера, на берегу реки Гвадалевы; христиане были разбиты, — и магометане овладели Испаніей. Въ началѣ VIII вѣка готское царство въ Испаніи находилось въ состоянии глубокаго праведвеннаго и политическаго разложія. Безъ этого условія и безъ помощи самихъ христианъ, арабы не могли бы одной побѣдой решить судьбу богатой и густонаселенной страны. Обширная область съ десятиками городовъ сдавалась маврамъ — мусульманамъ безъ боя.

Но не всеготы покорились власти мавровъ: крайнѣйшіе изъ нихъ ушли подъ предводительствомъ Пелаго, родивенника послѣдняго короля готовъ, на сѣверъ, въ сѣверо-западный уголъ, въ горныя области Испаніи, въ Астурию, и тамъ основали независимое государство, сперва дѣльное средиземноморіемъ, но богатое Эберіей; передъ ними лежала прослая и определенная историческая задача — бороться на жизнь и на смерть съ инновенными завоевателями, быть въ непрерывномъ крестовомъ походѣ,

который едва окончился къ самому концу средних
вѣковъ.

Этотъ героическій періодъ испанской исторіи, озна-
менованный рыцарскими подвигами безъ-гозовъ, ярко
образился въ длинной веренищъ романсовъ, т.е. про-
изведеній испанской народной поэзіи средних вѣковъ.
Какъ мы уже знаемъ, собраніе этихъ романсовъ составля-
етъ книгу, известную подъ названіемъ Романсесо или
Flore de Romances. Такъ какъ эти маленскія поэмы заклю-
чаютъ въ себѣ по большей части сказанія объ историческихъ
лицахъ и событіяхъ, — о чемъ мы могли уже раньше убедиться,
дѣлая уже раньше при разсмотрѣніи историческихъ
романсовъ, — то расположенная въ хронологическомъ
порядкѣ, она представляюща поэтическую летопись не-
пачин во время борьбы христіанъ съ маврами. Эти
романсы переведены на нѣмецкій языкъ и издали те,
редована Гердеромъ (и имъ издано это великолѣпное
воспроизведеніе цикла испанскихъ романсовъ „О Сидѣ“
(Der Sid); съ нѣмецкой переработки переведены они Жу-
ковскимъ на русскій языкъ. Летопись эта, излагая при-
чины побѣдъ испанцевъ маврами, начинается ро-
мансомъ о королѣ Родриго. Кроме Сиды, въ этой кни-
жѣ говорится о королѣ Родриго, графѣ Аліанъ, Карлѣ
Великомъ, его подданныхъ и другихъ христіанскихъ
героихъ. Эта поэтическая летопись начинается „роман-
сомъ“

и какъ уже сказано,

сами о короле Родриго и графе Юлиане. Возь они въ переводъ Б. Алмазова:

1.

Изъ двора въ золотой рывъи	Ка рилс гѣя смайдама
Молодыя подружы веселыхъ	Fantou jaunni draudzē, vasa
Вышла въ садъ, красой блещая,	Atā zēdū pilnā darzā
Донья Кава молодая.	Faunā skaistā Doņa Kava.
И подъ еяно густого	Un zem zaļuvōna kokū
Виноградниковъ зеленыхъ,	Pati kamās dretas ēnas,
Подъ вѣтвями мирры и лавровъ	Arakš mirtu, lauru zarēm
И маслиновъ благоуханыхъ,	Un jasmīnu jaunā smaržā
На зрабѣ въ кружокъ цвѣтлетъ	Tas uz zāli rindā solās
Съ златкиль говориль и смѣхоль	Smēdamais un čalodamas.
Дѣвы-сверстницы, лобудетъ	^{vijas} Atālas, veenu gadu bērni,
Яркой зеленою весенней	Līgsmo ^{lapnās} jaunās pavasarī,
И взыла ароматы	Salds aromātu buldāt,
Воздухъ-запахъ сада.	Pēnstošs pa kōšo dārzem,
И кружкомъ красавиць густой,	Un šīs skaistubišu pulciņš
Какъ вѣнокъ изъ розъ и лилій,	Tā kā līļu-rozū vainags
На луку пестрель зеленювъ.	Mirdz kā pūkū ^{zāļu} plāna plada.
И сказала донья Кава	Un tā teica Doņa Kava
Дорожилъ своимъ подругамъ:	Lavām draudzēnēm ar smaidām:
„Кто изъ насъ, скажите, донси,“	Kas no mums, jēl sacec, doņas,
Всѣхъ прекраснѣе? Промиле:	Ja vis skaistānā mūs' vidū?
У кого коса вѣтъхъ гуще,	Kurāi kuplākas gari biez,

Труды тамный, ноги суройные, *Kontis pilnākas un ^{mesas} kajas*
 Кзо нъ нахъ бѣлые жаловъ, *Baltāc, slānkākas i kajas,*
 Выше рохоръ, зонше срановъ *Augstāks augums, smalkāks veids,*
 И походкой белшавай? *Pelākā, graciosāks gāj?*
 Возъ возближе эту ленту— *Pareņmet nu man šo līniti—*
 Плечи она намъ торкой судеръ... *Kemēr to per mēra mēķi.*
 Сбросилъ пласк, сранавъ муритъ *Notērbimess, sārsm marit*
 Ноги, сранъ, и гудъ и плечи. *Kajas, veidi, kontis, pleces.*
 Шлупно, съ хохоравъ беселавъ *Negaidīti, ^{tomuļiņa} ^{pietū} ^{jo} ^{kur} ^{līga}*
 Принявъ биль нежданной возовъ *Doņis Kavas pēcēškrūm*
 Хохоруньи донби Кава. *Beņņoma ar jautesm smeclēm.*
 Сдали муритъся подруги, *Ļāka mērdēas na mērtas,*
 Сдали сравнивавъ друнь съ дружкой *Citācētē salīdzināt*
 Штотла цвѣтъ и нѣжноръ косми. *Locēklus un sāto adu ^{staltē veidi}*
 И рѣшили вѣтъ безъ спора, *Un tād irēķīra lēx strichus,*
 Это сибора донья Кава *Ka ne vija skartō bāsa*
 Краше вѣтъхъ подручь прекраснѣхъ; *Skaidākā i Doņe Kava.*
 Любовалися вѣтъ дубва *Ligņojas it otras mērtas*
 М я косой фвешелой, *Par tās pēkilo imago bizi,*
 М милейкой бѣлизного *Par tās līfij's balto seji,*
 Плечи и ружь, и позикой суройной, *Baltēc pleces, ballim rokām,*
 И воздушнѣмъ, дивнѣмъ срановъ. *Un per brīnumu smūdro veidi.*
 М не знала донья Кава, *Nezināja doņe Kavas,*
 М не думали подруги, *Nezinaja mērtas mērtas,*
 Что зарем ихъ двавихси *Ka to nevainigōs jorcās*

Изъ нѣдѣб лукавыя околы *Kads ar viltus pilnām acīm*
 Изъ ганци дѣревъ подсмозрѣть. *Koskatas sans beebam kokam.*
 Подсмозрѣль ихъ злодымы околы, *Skatījās ar karām acīm,*
 Околы зоркылы и лукавылы, *šeim mošām, viltīgi pilnām,*
 Подсмозрѣль король Родриго, *Skatījās, lūk, Don Rodrigo,*
 Властелины земли испанской. *Ķēniņi ^{spanceļi} Spānijas zemes valdnieki.*
 Лишь взлянулы отъ грѣшнылы взорылы *Līdz tam nevainīgās Kavas*
 Ма краса невинной Кавы, *Ķarstums bijā klūsā redzams,*
 Какъ въ крови его и сердце *Tulm acinis un sirdī*
 Вспыхнулы пламень зрой сураси. *Dedzegas tam kārdla liecma.*
 Съ ^{гой}поры ни днелъ, ни ночью *No tā laika dienām, naktīm*
 Дочь Родриго не знала покоя: *Nezināja tas vairs miera:*
 Мельт огнелъ ему всю душу *Visu dvesli dedzināja*
 Милый образъ донси Кавы; *Mīnam dones Kavas daiļums,*
 Все съ гдѣль поръ ему казалось, *Kopā tā laika viņam šķita,*
 Будто отъ повѣстуд слышилы, *Ka tas vīrs sadzirdētu*
 Звонкыи слылы ея невинной, *Kavas nevainīgos smeklus,*
 Мелесе шелкового пларды, *Mīnas Līdla drēbju cāklešānu,*
 И шаговъ гуръ слышныи шоралъ. *Lola L. šolu lino rlaudzēšānu.*
 Всюду видѣлы отъ, какъ въ грезалъ, *Visur redzēja kā sērni*
 Блестъ очей ея веселылы, *Mīnas jāntro acu kvēli,*
 Прелесе дѣвственной земышки, *^{blān osug} Katrindabes meitas maizlas,*
 Шонкыи срагъ, какъ сзѣдѣл гдѣкыи, *Varīdu lunka ^{nu} kā smēga,*
 Бѣлизну ноги прекрасной, *Kāju baltu, tūkla, skaistu,*
 Обнаженной, полной, дивной, *Kārtu, viņum patīkamu*

И высокой, пышной груди Un tad pilnās, augstās krūšis
 За прозрачной, тонкой тканью, Aras šķidrās smalkās drēbes,
 Кохлахатие и зренерх. Bilošanos, trīcšānu.
 Межомленъ мучительскарази, Zemocijees kaislīb's mokām
 Наконецъ король Родриго Beidzot kēnins' dar Rodrigo
 Поддался своимъ мелеандлю. Padaras tam kaislāi korei.
 И призывалъ отъ донью Кабу Tas, lūk, sauca doni Kavu
 Въ свой покой уединенный Savā vcentulīgā vidā,
 И сказалъ ей: „Слушай, Кава, Tacidams tai: „Klausies Kava,
 Кава, цвѣтъъ всякъ дѣвъ испанскихъ! Vism' Franij's mērtu puse!
 Съ той поры, какъ я увидѣлъ Ko tā brīdā, kād es tiku
 Блескъ краси зубовъ волшебной, Tava burtvīdumu redzēj,
 Будто съ жизнью я разстался: Dzimtā no dzīves šķīries:
 Озвѣла зы жизнь и счастье (Kēni dzīvību un laimi
 У могучаго Родриго! Tu, kēn, vareņajm' Rodrigo!)
 Сжался, Кава, надо мною — Ar šēļojees, būve, Kava,
 Ошви любовью ньюминой Dai sans maigu mēlestību
 Душу малкаго сурдадлаца! Galu manas dves'les mokām!
 Если жизнь мнѣ возвратишь зы, Ja tu dzīvību man dori,
 То, клянусь зедъ я тесую, Tad, pēc seoa gōda zvēsu,
 Ме пройдезь одной недѣли, Nepacees ne nedēļ' laika,
 Какъ великою наградою Ka ar dīvu, dargu atgu
 Ошлага зедъ я, Кава, Tēv' ē atmaksāšu, Kava,
 За единый мнѣ блаженеуба: Par tik vienm' saldu brīdi:
 На главѣ зубовъ прекрасной Tava košā galvā mirdzēs

Возсияхъ яркимъ блескомъ *Vianlodams visās krāsās*
 Королевская корона — *Lepnās kēniņāmes kronis —*
 И, отдавая порфиру, *Un tu purpurā tad tēpta*
 Ты со мной возядеши рядомъ *Sedesi man daļi blakus*
 На мраморъ испанскій зрочи. *Manā bronģā Spanijā tronē,*
 Творяще, что донья Кава, *Draudēdama doņa Kava*
 Рече лукавую прослушавъ, *Lauro viltus pilno runu,*
 Тисовомъ венкинула и грозно *Ēdēdras ta dusmu loesmās,*
 Засверкала гордымъ взоромъ; *Nosarādama, draudēdama;*
 Но пошло, когда Родриго *Bet kad viņai deva Rodrigo*
 Со смиренелью и слезами *Pazemīgi, pēsmīgi*
 Слалъ молву у ней прощелью, — *Sāka lugtees pēdēsānu, —*
 Тисовъ ухватъ ея, и взоры *Rima dusmas tai nu acis*
 Вновь погнувшись сурдыво *Kaunīgi ta nolaiduse*
 Предъ могучимъ властелиномъ; *Stāvēj' valdnieka pēcēsā;*
 Велюдь за ртомъ она безмолвно *Un tad tagad viņa klusu cēsot*
 И задумчиво вникнула *Domās nogrindāma klaucas*
 Речи вкрадчивой и ласковой... *glaimotajā viltus runai...*
 Наконецъ, поджавшись лезу, *Beidzot, pādodamās glaimām,*
 Драва възрешная, Кава *Lētdabģi doņa Kava,*
 Подняла свои ресницы *Paceldama skāistos skropstus,*
 И зарделась вся румянецомъ, — *Nosarka kā roņu lapa,*
 И невольно взоромъ помыкала *Ne drovēdus at maģim acim*
 Посмотрела на Родриго... *Paskatģjas uz Rodrigo...*
 И молва людская бисуро *Un nu ātri ļaudģ banģas*

Разнесла по всей столице *Galvas pilsatē tad pādas,*
 Злыю воеву, что дожда Кава *Lanna vasts, ka doņa Kava*
 Чесус узрашма дивнество. *Paradēj'ie mēstas godu,*
 Такъ король мексиколубовъ *Tā, lūk, kōnīnī, mēita mēdneņģ,*
 Оболсршмъ обманомъ мизкиомъ *Ģevīta ar ^{lūpa} launai viltu*
 Догъ могучаго вельможи, *Varenaja kara kunga,*
 Полководца Зблиана. *Talīma mēle, Kadu.*

2.

„ О презранныя, егда *„ Ak, tu mēstamais, sormais*
 Староюс клада, божма, *Vecums, vargais nevargais,*
 Для него здшелою пошею *Kamlabād ar smagu nestu*
 Ты хъ землю меня пригнула! *Tu pēc zemes mani spēdi!*
 Для него души озвага *Kandēl, dvesles spīgtais drošums*
 Мерзвонъ слово во мнѣ уснула? *Kamī cēmidis un miris ē*
 Для него, о время злое, *Kamlabād jus, launai laiki,*
 Ты мнѣ кровь оледенило; *Manas asinis stindzināj'ī;*
 Для него рукой нещадной *Kandēl, c'itrost itiprai rokai*
 Силу мшишь моихъ разбило. *^{vīngot} Ģīslu spēku nēmat!*
 Ахъ, зачьмъ, сзракъ озмившій, *Ak, kālab es, trūcīlais vēcis,*
 Не могу вь дряхлой длани *Ģespēja vairs vargi plaukstāt*
 Ивершмаг мой мѣнь здшелою, *Imago zobenu vel tūcēt,*
 Мое прославленный во брани! *Zobenu ar kaujas slavu!*
 Ахъ, когда бь былое время, *Ak, kaut būtu senie laiki,*
 Великъ сила молодая, — *Būtu ^{vīns} jaunības spēns vel dzīvās,*
 Я погнался бы вь Поледу, *Azšantot tad uz Toledu,*

Мицембелъ и проснуемъ старая, — *Deidams atreob, bas karé,*
 и моимъ дулазомъ вярнымъ *Un or seu urticigo*
 и пронзилъ бы въ миль единай *Terdou es acuminé*
 Трудъ того, кто обезсудилъ, *Pavixelta ta ardi puñ,*
 Португалъ мой стыдилъ: *Kas tá negodá is goudis,*
 А оумерилъ бы донъ Родригу *Arqanijs man sirmos matos:*
 за обманъ его лукавай, *Atreobtos pce don Rodriga*
 А бы оумерилъ за поругансе *Par ta xrapiba un veltu,*
 Беззастыжнотой, бодной Кава. *Atreobtos pce nozegumú,*
 Но узмелъ во миль наирасно *Padaritu meitai Kawai.*
 Сердце жемехъ вражда и злоба, *Bat, tük, velti manás cexsás*
 и позоръ свой безъ оумиженя *Varás conaidr, nixnams, Caunams,*
 Проблалу я вилоръ до гроба! — *Kannuñes bez atreobibas*
 Такъ въ далекомъ, крачномъ замкь, *Nesivñ lidz kapa malii!"*
 на прибрежнотъ Гибралгара, *Tá lux, talá, drumá p'li,*
 Восклищамъ, сужня оуъ гнѣва, *Gibraltaras xrastu malá,*
 Юлианъ, оуецъ несчастный *Fzsaucás, nu dñimama elcdams,*
 Обольщенотой донси Кава, — *Fulgans Xelaimigis, pectánitás*
 и съ оукамыя и скорби *Doñas Kavas teta, Fulgans,*
 Рвалъ оны волосы стыде; *Un air xcumjám, izmóvuna*
 По, склоняетъ на длань главою, *Puca tas sev sirmos matos,*
 Слеза миль, въ розкь безмолвнотой, *Fedriz tas atreobces uz rokas,*
 По въ свирьнотомъ издеуленнотъ *Leja arons klucás cārás,*
 Билъ въ лицо себя руками. *Dvzi arpentogás dñsmás*
 „О король, о донъ Родриго, *Darrija tas savu pecti.*
 „Ах ты, кѣмъ, донъ Родриго,

Возлашала стариков согбенный: *Kēotza vecis salikūnāis.*
 О властитель молодухиний, *Ak tu, vārdnecers gleznlūgāis,*
 Твои своими обманомь гернямь *Tu ar savu ^{tumto} zemo viltu*
 Зандзкала свой самь высокий! *Gārij's sam augsto cepra!*
 Твои прошила безъ боязни *Nomānēcēs tu gan bēr bailēm*
 Оболозгитъ прокушкы Кабу: *Secvilt lētdabiti Kavus.*
 Твои разселаь ухомь коварнымь, *Domāji tu bleķa prātā,*
 Это озець ея далеко, *Ka tās tās vīnā, divo tān,*
 Что старикъ отъ хилый, слабый, *Ka tas ^{un vaji,} vecs, ^{un} vāgē bēr spējās,*
 И не въ силахъ за обиду *Un kā spēru vār, ka atcebt*
 Озомезитъ мехомь булазнымь. *Tas ar zobona sīs nev spējigs.*
 Но отидея же, — и скоро *Bat tev vilas, — simtkastīgi*
 Я воздамъ зедь спорилей *Es tev Dīri atmarsēn*
 За обманъ и поруганье... *Tā' par viltu, kā' par kaunē...*
 Хоть во мнѣ удмила староець *Kaut man vecums nēmis spēms,*
 Тпыла мощь, но бодрь я духомь; *Tātēk esmu gara modrēgs,*
 Разумь мой и здравь, и свозель, *Itāt man vesel, garsē un*
 Какъ въ зто дни, когда искусно *Kā' tās deonās, kad es veigti*
 Я звоей державной болей *Valdib's grozūs tonēj, rokā*
 Управлялсь ко благу царсуба *Zemē, valstij, tar par labu.*
 Знай же же, неблагодарный, *Ne pateicigāis, nu zini,*
 Что земерь все сила духа — *Ka es vīrus gara spēms,*
 Весь мой умь, все крепкое *Visu mīn prātā, vīrus spēn*
 Содеру и напруду я, *Tagad sanēmīnēsi kopā,*
 Чтодъ зедь придуматъ мценсе, *Pdomat tev atcebtību.*

И клянусь, что мизантроп зрю *Un es zveku, ka ta iznāks*
 Для гедя ужасный будерь *Un pēcē tavi bresmūgēca,*
 И удара оудрой сзали, *Kekā zoben' asars ev'otēns,*
 И злезворной сила яда, *Kekā naves zalu virums,*
 И дерзаний мозой пвзки." *Kekā moru tirdzīana."*

3.

Мракъ почной одвемлеуъ землю, *Kants un tunas aprēlaj zemē,*
 Подиуъ вихрь, кружяся и боа, *Solpo celes veesuls, griežas kaunkāns,*
 Вдоль пучеинного прибрежия; *Tuksnešāna krasta malā,*
 Море грозное бушуетъ: *Un dārdedama (basego) vilno:*
 Поднимаюся высоко *Pacēlas' iz augstu bangas,*
 Злая волна океана, *Latvis okeana vilni,*
 Бьются съ яросуто о скала, *Plaukst ^{at drausmi} un gāžas tās pret klintīm,*
 Бьются съ яросуто и воель, *Plaukst un zākst un kanc un dūnē*
 Плещуъ въ мраморный стьона, *Plēksik pret baltīm marmor' stonām,*
 Стьона залка бькового. *Secām veesim vecai pilij.*
 Въ замкъ голъ, по заламъ земляемъ *Imā pili klīst pa tumšām ēšām*
 Бродиуъ поудунто зревозинной *Soleem trīsošēem un smagēem*
 Юлианъ, унгалый, красной, *Julians ^{pāls} forskumjān, dūmigs,*
 Думой злзюкото ферзаетъ. *Kaudansēd ar smagām domām.*
 Вель давно уенили въ замкъ, *Nisi cemiņūi pilē,*
 Митъ не ениуъ Юлиану. *Julianam veesim nav mēga.*
 Что замыслилъ сзареуъ грозный? *Kas gan pratā bargaim veesim?*
 Откого отъ въ часъ полнокной *Kalab psonasti' tas nava*
 Не солжнулъ огеи зуралель? *.. Pledz' ar savas nogārnīās acīs?..*

Онъ меня пощадишь сразнелъ ^{Mani lici} (Tas par sarga
 На краю земли испанской, Tala tevā zemes malā,
 Чтобъ смодилъ я зоржилъ охотилъ Lai es redotu ar manu
 За брагонтъ его погужилъ. Varenijam esaidneskam,
 Чтобъ сзерець я нецсанно Targatn ja uzmanīzē
 Здѣсь въ звердннѣ нецрисуцунной ^{Сарва} Ka ir cietokšni tik stipri
 Вхожь въ Испанію роднцо. Zeburkumu tevā zemē.
 Мнѣ ^{нѣ} прншнлсь на излннѣ? Zepemtees man nodarbu?
 Мнѣ лъ предаземской ружою Man ar nodeveja roku
 Озборнѣ врага звердннн idvust cietokani, ja, stipro
 Предъ врагомъ моею озгннн, Tevā zemes esaidneskam,
 Предъ врагомъ Христовой вѣрн? Kristus ticības vaidneskam?
 Мнѣ! ужасно... я не въ силахъ Не! ак, šausmas!... нѣмн spējīgs
 Боже предаземъ... Но Боже! Nodevijs but... Bet, ak Dievoni!
 Мнѣ же мнѣ, какого мнѣзю Ka, ar kadu atcevbību
 Снѣзъ съ себя клеймо безгнѣзъ? No margat ^{гнн} jēl kauna zīmī?
 Я послѣднн, одннокнй Esmu savas vecās ģentes
 Рода древнндо поронокъ. Vecmīgs pastars pēcnākamais.
 Мой оуцъ и дѣдъ, и прадѣдъ, Mans tēvs, vectēvs, tēvu, tēvi,
 И вѣсь предки Бѣзъ мнѣзъдъ Visi tee bez izņēmuma,
 Рядомъ подвиговъ воинскихъ Ka ja Leolu vīndu kara darbu
 Озарилн бѣжнкой слабой ^{Дарошн} Rādīdām, pienācīnī
 Наме мнѣ родовое. Mūsu slavā mūsu vardi.
 Какъ безгнннное наследсво, Kā svētā mantojums man klūvis
 Мнѣ доуцалосъ ззо мнѣ ^{нѣ} mūsu vardi, tā slavā bagātī,

Змезилъ, свѣзломъ, лугезарикъ, *Tis m'kažs m' gaiti starošs*
 Будзо камень самоцвѣзномъ, *Kā kašs itens dargakmens...*
 И змезъ на ззо мнѣ *Mn m' ^{li-ta} so spošs vanda*
 Малегло пѣзно позора! *Kauna traips i aptumšojis!*
 Ахъ, змезъ его освамо *Ah, vaj es lai pametu to*
 Я заквотаннъ на вѣки? *Aptuipetu mūšs mūšs?*
 Ахъ, змезъ оцу и предка *Ah, vaj es lai tēvs tēves*
 За свѣщенное наследье *Par šo sveto mantojuma,*
 Всей, добычей или, славы *Par to visu gūta slavu,*
 Огилану я змеземъ, *Atmaksāju parēdams,*
 Посрамленіе иль рода? *Landams ^{apgarināt} m' genti?*
 Зрохъ родъ со мной змезъ, *^{Dzisis} Lidri man šī gente dzisis*
 И никго по долгу крови, *Mn pec asins pēnākuma,*
 По связому долгу мнѣ, *Pēc m'akuma atrēbībās*
 Цезъ его не воззаконивъ. *^{iristis} Nē tēvis nevens ta godu.*
 Мнѣ, я должне мезго сзрашмой *Ne, ar jansmu atrēbību*
 На краю моей могилы, *Lava tūvi kara malā,*
 Предъ лицомъ всего народа *Virpa tantus vaiga psecēšs*
 Снѣръ позоръ и поношенье *Horatigēšs šo kauna traipu*
 Съ рода праотцовъ великихъ! *Kait man leclo tēvu ^{labat}...*
 Но мнѣ зглаго, мнѣ болсно *Bet man smagi, visai gūti,*
 Сзрашно мнѣ, въ могилу мнѣ, *Lanāhigi, kara psecēšs*
 Въ сердце сзрашкель мнѣ *Lolat eva' vesi virdi*
 Черный замесель измнѣ! *Jumīn ~~at~~ nodarbus domn!*
 Чмошъ избрѣ, на что ронширскъ *Bet ko ^{ponamted} ko dant*

Долженъ я въ сей мнѣ ушаскай? Bus man čini launā briedi?
 Озолѣжу — предаю оунизю, Atrecht — nodot tevī zemi,
 Мнѣ оураха неозмщенна въ — Jev vaj pamest atreebītu
 Мнѣ мерѣ въ мѣсто позоръ? Un ar kamni galtoos kapā?
 Это издрахъ?.. О Боже, Боже!.. "Ko jēl darīt? Dievs, ak Dievs!"
 Тавъ въ борѣ съ савиль собою Tādā cīņā pats ar sevi
 Тавориль оура несащый, Runoja tevis nelaimīgais,
 И неровниши шагани Un ar nevienādām soļiem
 Онь бродиль по заламъ замка... Klīda tas pa taksām zālam...
 Мо бѣгуць часъ ночные, Naktīs naktīs un grūtēc briedi,
 И приходиль часъ развѣсѣ. Svist jau gaissma, ataut dēma.
 Возъ увидѣль мрачнѣй сѣрець Вагандија змунис vecis
 Первый слабий муръ дѣмшири, Pirmos vīta blāsmas stāms,
 Проквозившій муръ за рочи, — Lauzīšos caur padevēšiem, —
 И какъ бѣдо гуръ презрѣтнѣй, Un kā nīcīnāmāis rāglis,
 Умщеннѣй въ пресуднѣнствѣ Kad tas pēccērts nosēgumā,
 Задрознѣль. — "Тора рѣшигъся!.. Нѣдрѣеја тас, tad ^{kl. ca. saneg} ~~saucēdams~~ ^{nesamētes} ~~vēsica~~.
 Вдуръ воскликнулъ онъ: Свѣзаетъ... "Lai es ir iekārties! — jau gaissma.
 Идѣзь калифъ давнѣ оуважа: Kalifs atbildi jau gaida,
 Близокъ, близокъ срокъ послѣднѣй!.. "Tu nu, tuvu pastars briedis!..
 И куръ слашнѣго спѣного, Tikko sādīvdamam solēm,
 Озираетъ бѣзгливо, Baidī apkast skatīdamas,
 Юлианъ идѣзь по замку, Jūliāns pa pīli starģā
 И, войдя въ опочивалоню, Un tad gulē vēcā ce-est,
 Тавъ садуръ предъ лампадой, Nosēdas tur lampas pēccēšā

И французий и бродягой, *Pāls, pēc visas meesas trīcot,*
 Онъ озвѣръ посылымо нинехъ *Rakata atbēdi tas stingāns*
 Къ африканскому калифу, *Tom uz Afrīku kalīfam,*
 Повелизельмо неворныхъ. *Arām Keticigo pavēlnesam.*
 Совершилось преступление: *Ardasija nozēsguma:*
 Облианъ отпизну предать. *Juljans nodav' tevuzemi.*

4.

И въ Испанію везанно Перей Франція на лавзас
 Взорилас бурными ураганомъ бекса it ka vētras аука
 Орды грозной арабовъ. *Arabeim bēcema hordes. kara pulci.*
 И воспринять доны Родриго *Arām leca don Rodrigo*
 Съ логна праздности и кнги. *Ar no mūga deam galas.*
 Пробудилас грозой невиданной, *Frankts no negaidītas drausmas,*
 И, собравъ свои дружины, *Sapulcējās savus pulkus,*
 Онъ пошелъ вразамъ на безрочу. *Arīdīkas cenaidneskam preti.*
 Возъ въ равнинахъ Гвадалехуа *Gvādaletas upes ležās*
 Тожъ съ маврами сошлсся, *Goti sadūrās ar morsem,*
 И возунили въ бой кровавый. *Devas asinainā kavē (kaujā).*
 Восемь дней въ упорной стовъ *Aston devas mīkna cīnā*
 Оураманъ король Родриго *Atgaimājad don Rodrigo*
 Кариекъ полгниръ мусульманскій, *Musulmānu urbrucimni,*
 Ни на шавъ не оузруая *Ar par soli atkarpdamies*
 Предъ несмызкой силой врагбей. *Preti neskaītamam spēkam.*
 И балмися рядами *Ar, lūk, garis rinda rindām*
 Подъ мечами сройкихъ гозовъ *Arakā stingrni gotu arām*

Мзеду пленные араба. *Famat, ksee arabesii.*

Но росли и прибавали *Det, ax, ang un rodas klatu*
 Съ казидовъ днень и съ казидовъ часамъ ^{At in katu deenu, et nudu}
 Млѣ полки. Такъ въ бурномъ морѣ *Fanni palai. Ta' ka' jura,*
 Вслѣдъ за гнѣбнымъ, грознымъ валомъ, ^{leela bresma} *Kur pee utna, saimolmas*
 Объ чресть скалы разбухавъ, *Kad pee klintim tas ir ixelees,*
 Новый валъ беаерь и муря. *Celas jaunus un gozas vira.*
 Наконецъ сломили мавры *Beidrot pavareja mori*
 Христіанъ; поколебалисѣ *Kristitos; jo saka pagurt*
 Королевскія дружины, — *Nim isikuse pulci,* —
 И тогда король Родриго, *Un tad kēniņi don Rodrigo,*
 Тмодъ возметъ въ нилъ пиль бониский *Steigams savu lauru garu*
 На враговъ огнемъ ударилъ, *Pacelt, brux tas cenaidnoska*
 И гоховъ усь биль врубилъсѣ *Bezas virdas, galas kantees,*
 Въ нлѣ ряды нлѣ наерь въ срасменствѣ, *Mewart, vaj atrast galu.*
 Но тесноко удвѣтениый *Det no asas bultastrāpiti,*
 Въ руку правую сфрѣлого, *Dvairots jo smagi rokā,*
 Онь оъ боли несдержимой *Tas air visai leclām saram*
 Уронилъ изъ рукъ поводѣ ^{Laida} *Laidā' pavadu in rokām,*
 И нусилъ двѣнагъ по холмъ ^{doties} *Lāva laistees savā valā*
 Своего коня иллого. *Lavam knājam kara vrogam.*
 И понесъ его, какъ вихоръ, *Un nu airkreja kā vesens*
 Вторнѣй конъ изъ грозной стѣи, *Tom no kanjas kreetnais lupins.*
 И промчался съ нилѣ далеко *Laidās ar to talu projam,*
 По лѣсамъ, полямъ, болотамъ, *Gan pa kunksem, mešam, pivoam,*

Киваль, кашидль и обрагаль; *Arēn, dūvām, dzīlām grāvam.*
 Но измучены басуриньы брогомь, *Āt, tā krasi spējs, kumelēs,*
 Маконерь скакунь резивый, *Krašais anlexisotajs beidzot*
 Велс покрывий пилью, пилью, *Veenās sveidās, veenās patās,*
 Задыхался оу шара, *Karstā vēlme kveldam, krakdam,*
 Прискакаль кь горь высокой *Aizskreja līdz augstam kalnam,*
 И мгновенно пиль с разбюга *Un no cestrēcianis garis.*
 Вмьезь сь вьадниколь на землю. *Līdz ar jātnieku ^{tas} zemē.*
 Вьераль сь земли король *Podrišo Pēcēlāstād don Rodrigo*
 И взошел фронтинкой узкой *Un pa stāvu, jānu tascu*
 На узесуцую горю. *Marapias ^{krāja} tas kalnā,*
 Кмодь взглянул сь сь вершины *Lai no kramla parlūkotu*
 На равнину Гвадалехры *Gvadaletas upes leju,*
 (Масидаль оуь узмарь скорые *Karsti veļejās ^{vēlēt} tas zinat*
 угарь бубва востиндтневной). *Astoņ' deenu kara klumi.*
 И взглянул оуь вь даль, и слеза *Un tam lūkojoties tālē*
 Помилнь изь глазь позокомь. *Astas anmelām veen bora.*
 Вьидуь оуь - полки арабовь *Rēp tas + arabiešu ^{hordes} pulkus,*
 Тонярь вь волты Гвадалехры *Dzenam omā sīkos pulkus,*
 Королевских дружина, *Ar kā brīvu brīvu p' bērn,*
 Гвадалехры *Gvadaletas upes virsot,*
 Какь оленей родныхь срадо;
 Гиднуь, гиднуь *Xristiāne Baizti, baizti kristīte jān*
 Подь мехоль браровь невьрннхь, *Krit no netic, yo i'kreem,*
 Гиднуь вь рьонкихь перьзаньдхь, *Baidās ^{nīcnie} v'zīm' g'ātes t'v'v'v,*
 И покрыва ихь зюлами *Un jān v'zīm' meesim klējēs*

Вся просторная равнина; *Atin It viss leclāis, plācāis kļājums;*
 Видишь оны, налаужи села, *Redz viņi — lecmās šānās ceemi,*
 Замки намные и церкви; *Lepnās pilis, Dieva nami;*
 Видишь оны, какъ мусульмане *Redz viņi, kā tur musulmani*
 Въ пльвонь влекуць на поругансе *Janem gūstā ievārikai*
 Христіанскихъ гавь золтами; *Baru barcm kristiģis meitas;*
 Видишь, видишь царя несласурый, *Redz, redz iemisisāis kņānis;*
 Что Испанія погудла: *Spānija kā gāja bojā:*
 Погудилъ ее Родриго, *gāja bojā cavs Rodrigo,*
 Погудилъ своето сраасурю, *Kodevīstis kaišlībs valģos,*
 Сраасурю низкой и пресудной *Valģos zemās, nosēdriģās,*
 Къ легковарной доньке Кава. *Poemārijāt doni Kavu.*
 —, Будь мне проклядъ гы, предазель, —, *Lāts tav, nodevej, va gabu,*
 Филианъ, злодый отгизны! *Ļeljam, tevdamas bēde!*
 Возгласилъ въ великой скорби *Izsmēis tā leclās skumjās*
 Съ громкильмъ тачельмъ донъ Родриго: *Dixti rekdamā don Rodrigo:*
 „Я одинъ, одинъ выковельмъ „ *Es, es vceen pati esmu vairiģis*
 Предъ зодой, безудный сраасурь; *Tavā pravā, trako vesi;*
 Я одинъ доасурильмъ каре *Es vceen esmu šode pelniģis*
 За обманъ и пресудилельмъ. *Viltas, nosēdriģma labad.*
 Для того мне покараель гы, *Kamlabad tu centees iedit,*
 Погудилъ своето месьсю *Izpostit aiv atroceibās dēt, manus vāriģa,*
 За вину царя все царевъ, — *Viņā valēti, atrocebdamēes? —*
 И народъ ни въ чельмъ невинной, *Kamlabad bir kādus vāriģas*
 Моузмый, гордой и свободной *Viņā tantu, lepnu, brīvu,*

Избалованней властителей, *Lutinātāis augstāis valdnieks,*
 Многой шумим пресмыкаемой, *Arņņikēnāis maigā dzīvē,*
 Масидаль я, зомьясь скукой, *Komocits no gara lauka,*
 Вотмо новяхь наслаждений. *Slurpes pēc jaunām bandām.*
 Поразишь красото ризой *Dealts no dārtas izīstas meites dāiles,*
 Довы съ доухского душою, *Meiteetes ar beņņu dvesli,*
 Душаль я, что пламя сраси Домажь, *ka kaislā leedma*
 Обладчло мной до гроба, *Līdzis mani līdz pat kapam,*
 Но едва мои шеланья *Ēt, ^{tas} ~~tas~~ ^{mana} ~~mana~~ vēlēšanās*
 Я насажилъ наслажденсень, *Pērpildijas meesas bandā,*
 Какъ онахъ мерзвнзий холодъ *Jūdā, atkal naves aukstums*
 Обвазилъ мою всю душу. *Pārņēma man visu dvesli.*
 И гдѣ приходиши микузной *Un air acunvokla kares*
 Погудиль, зазмиль порокомъ *Salauzu un aptumšoju*
 Я младенческуо душу *Kevainīga radījuma*
 Безпорочного созданья. *Skaista bērņa īstā dvesli.*
 И Господь меня мисроко *Un Dievs kungs mani bērņi sodījis*
 Покараль за пресуиленсе: *Par to manu nocegganu;*
 У меня на вьюсь оувь озидль *Tas man atņņemis pavīvam*
 И народъ мой, и державу, *Manu tantu, manu valsti*
 И покой, покой душевнзий! *Mana meceru, dvesles meceru!*
 Обречень я вьогналъ мукаль *Kasodets ^{stolemtis vīru} es mūiķe mokām*
 И за гробомъ, а до гроба: *Ar air kapu, un līdz kapam:*
 Неба вьогное проклязье *Debesis mūiķam smagee lasti*
 Тягозвезъ надо мною. *Gulices parlecuku man vīru,*

Также сообщаются романсы о войне испанцев с маврами. И эта непрерывная война с неверными должна была наложить особый отпечаток на всю духовную жизнь испанца; она обуславливала и несколько, рано умевственную остроту и возбужденной, ультрагероической характер национальной поэзии, и искренний пафос исповедности церковной. Также как оптимизм, рационализм базисом в этой войне для Испании служили земли христианских владений, то с одной стороны, одиалый в кровопролитии народ испанский должен был поддаться их сильному влиянию, а с другой — по своей энергии и независимости, от не мог воспринимать пассивно, а перерабатывал все замеченное по-своему. Для войны нужно единичное, и поэтому монархический принцип в Испании развился сильнее, чем где бы то ни было. Остро феодал, лишь не мог иметь здесь такого значения, как, напр., во Франции, что, впрочем, отнюдь не исключало цели, цели дворянства: много дворян в Испании было очень много, и эти безземельные или малоземельные дворяне предсказали впоследствии чрезвычайно благодарную почву для развития рыцарства.

Уже второй наследник Пелаго, Альфонс I Кастро-Линский (739—757 г.), весьма значительно развил предели христианской Испании, отняв у арабов та...

мисию и гасе позднейшей Касулии. Первая нота
 национальной поэзии стала слышима в Испании лишь
 ду вздысье Сарагоссы, упрочившимъ за христіанами
 обладаніе восточнаго гасею полуострова, и великаго по,
 Блдого на равнинахъ Толосы, послѣ козороу маври
 никогда до се не могли возвратитъ преслѣднго своего мо,
 гущесхва, з. е., въ роуь вѣкъ смѣженія и ужасовъ, когда,
 по словамъ испанскаго историка, христіанское насе,
 леніе полуострова должно было посройно держаться
 въ боевомъ порядкѣ, такъ какъ завоеванія испанцевъ
 требовали одинаково-злосуднаго напряженія силъ, какъ
 и каждый шагъ проуивъ воинственнаго мавровъ. Са,
 мое названіе Касуліи показываеу, какъ христіане
 подвигались шагъ за шагомъ, обозначивъ завоеванную
 земли постройкой укрѣпленныхъ многочисленныхъ
 замковъ (castella, castillo), посредуею козороу они
 должны были защищаеу свою родную землю оуь фран,
 зическихъ магометанъ. Вскорѣ Касулія получила нѣ,
 козороу независимосе и стала управляеуея выборными
 судьями; сынъ одного изъ первыхъ судей, Фернандо Гон,
 залесъ, славшій впоследствіи однимъ изъ героевъ наці,
 оталаго эпоеа, окончательо оудѣлилъ ее оуь Астурии.
 Но если выработанная въ войнѣ любовь къ независи,
 мосеи способствовала распаденію христіанскихъ вна,
 дѣній, то итеринкаъ самосохраненія, въ виду общаго

врага, снова соединялъ ихъ. Власть надъ Касулией скоро переходить къ дому Наваррскому, а въ XI вѣкѣ король Фердинандъ присоединяетъ къ Касулии и Леонъ, и Галицію.

Походившая сношенія съ Франціей начинаются очень рано, еще при Карлѣ Великомъ, которому принадлежала Арагонія. Леонаванъ рядомъ съ нею Наваррабы, Ла-полупирвансалбская земля; когда съ ней сшлась Арагонія, Губадурра и въ этой послѣдней губеубовали себя касульско-ше дома, какъ и въ Барселонѣ. Изъ Франціи, какъ съверной, такъ и южной, ежегодно ходили толпы пилигримовъ къ гробу Сантъ-Яго — апостола Якова. Самая Касулія была въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Франціей въезде въ родеветныхъ связей. Духовенство Испаніи относилось къ своимъ заиремейскимъ товарищамъ съ большимъ почтеніемъ; въ половинѣ XII вѣка Санто Великій урезидаетъ въ своихъ владеніяхъ францискаго Клонійскаго монастыря. Паризскія школы привлекають молодыхъ испанскихъ клериковъ.

О партіяхъ Язика испанскаго ^{было} ^{уже} ^{ранѣе} ^{сказано}. Рано стало замѣтно, что партіе галисійское имѣеть большой лиуеразурной будущности. Но между казалоискимъ и касульскимъ въ короткое время происходила борьба за преобладаніе; наконецъ касульское партіе побѣдило, отчасти благодаря помощи,

История старо-испанской поэзии в XI в.

скому преобладанию Кастилии, отчасти вследствие того, что в Кастилии, Наварре и отчасти Арагонии, давно выработанный язык зрубадуровъ, очень близкий къ языку оэраны, захватывалъ своего юного брата.

Въ наши дни уже собрано довольно много фактовъ, доказывающихъ раннее литературное влияние поэзии зруберовъ на Кастилию. Почему именно зруберовъ, а не зрубадуровъ, которые были гораздо ближе — это обыкновенно, но объясняютъ тѣмъ, что именно въ Кастилии мелкое дворянство и горожане брали верхъ надъ феодалами; жизнь тамъ была лишена придворнаго блеска, и вообще больше находило въ поэзии факта, чѣмъ въ поэзии зуберва. Кастилецкихъ жогларовъ (жогларовъ, joglars) связъ въ шибую связь съ французскими жогларами, и слѣды этой связи указываютъ въ древнѣйшемъ на, жарникъ народнаго эпоса Испаніи, въ поэмѣ о Сидѣ, ональномъ и центральному герою — Сидѣ.

II. Поэма о Сидѣ.

(Poema del Sid).

Исторія почти каждой литературы начинается бал, ладами и мелкими народными стихотвореніями; въ испанской, напротивъ, кромѣ зжихъ родовъ поэзии, кромѣ романсовъ, излюбленною формою предшущую имѣть, но съ памфлетиками несравненно-большой зависимости. Древнѣйшій и замѣчательнѣйшій изъ зжихъ памфлетовъ.

1) Многие изъ нѣсколькихъ поэмъ о Сидѣ, на латинскомъ и испанскомъ языкахъ. Но

ковъ еще извѣстная «Поэма о Сидѣ», написанная безымен-
 нымъ поэтомъ, по мнѣнію Шикнора, не позже 1200 года.
 Сидъ спускается или являлся не только предметомъ воспѣ-
 ванія народной поэзіи, о немъ сложено не только ро-
 мансовъ больше, чѣмъ о какомъ либо изъ героевъ нашо-
 вѣней или баснословной пещоріи Испаніи, но и на-
 циональнымъ и центральнымъ героемъ въ народномъ
 эпосѣ, поэма Испаніи-занималась даже Хроникси, по-
 тому что онъ — лицо пещорисское.

Кто же былъ это ^{Сидъ} герой народныхъ поэмы и роман-
 совъ? Мнѣкогда крики сомнѣваются въ его пещориче-
 скомъ существованіи. Но сомнѣванія эти уничтожены
 новѣйшими изслѣдованіями. Я предлагаю краткій
 очеркъ дѣйствительной, оутраченной оръ поэтическимъ при-
 твасей, жизни Сиды, на основаніи изслѣдованій пещори-
 ковъ испанской литературы, между прочимъ и на осно-
 ваніи книги Доуи: *Recherches sur l'histoire politique
 et littéraire de l'Espagne pendant le moyen age*, по-
 дробно разобранной П. Н. Грановскимъ, въ «Очеркѣ»,
 венскихъ запискахъ 1854 года и приведу различныя
 оцѣны о Сидѣ и о поэма, воспѣвающей его подвиги,
 вѣтъ съ отрывками изъ поэмы.

Вотъ что извѣстно объ этомъ модилнѣйшемъ герое мс-
 танской народной поэзіи, извѣстно изъ довольно досто-
 вѣрныхъ походниковъ. Масфодисе его имя Фуи, г.е. Подъ

риго, Диасъ¹⁾ Онъ родился около 1040 года въ городѣ Бур-
госъ или въ мѣсяцѣ неподалеку отъ него деревнѣ
Биваръ. По своему рождению онъ принадлежалъ къ зна-
чайшимъ фамиліямъ провинціи. Отецъ его, Диго Лай,
месь²⁾ происходилъ изъ старинной, не очень знаменитой фа-
миліи; за-то мать, Тереза Родригусъ³⁾, была дочерью графа
и губернатора Астурии. Отецъ Сидъ лишился еще въ дет-
ствѣ. Мать Родриго Диаса выростаетъ первой разѣ въ гра-
ждѣ Фердинанда I, Великаго, отъ 1064 года. Полагають,
что Родриго Диасъ участвовалъ въ послѣднихъ экспеди-
ціяхъ Фердинанда Великаго. Когда, по смерти Фердинан-
да I, владѣнія его перешли къ дядькѣ, Родриго остался
при дворѣ старшаго сына, Санчо Касуиискаго, и игралъ
значительную роль. Въ царствованіе Санчо (1065—1072)
Родриго былъ посвященъ въ рыцари и сталъ король,
левскимъ знаменосцемъ. Онъ дѣйствительно помогалъ
своему государю въ его несправедливыхъ войнахъ съ Браг-
янъ. Эти междоусобія Санчо съ Брагьянъ и сестрами
дали Родриго, королю король ввѣрилъ начальство
надъ своими войскамъ, возмощишь обнаруживъ
великій свайства, королю онъ вносилъ услуги просла-
вился. Въ 1071 г. Санчо и братъ его Альфонсъ, король
леонскій, условились кончить споръ свой судомъ бо-
жіймъ, г.е. Бужвого. Подтвержденій были обязаемы чуж-
ишь свои владѣнія подтверждено. Сравненіе произо-

1) Rodrigo Diaz или Diaz значило Родриго, сынъ Диго; слово -az/-ez, -iz и пр.),
сбавившійся на концѣ слова имѣеть значеніе отчества. Это окончаніе аз
съ его извѣстнѣйши ех, -iz и пр. можно прослѣдить до *Etymologiae*.

2) Diego Lainez значило Диго, сынъ Лайна.

3) Тереза Родригусъ значило Тереза, дочь Родриго.

шло у деревни Толстехары. Касульские были разбиты. Альфонс, увещанный в формальном исполнении условий, заперил своими войсками преследователя Боглецов и не хотел проливать крови будущим подданным. Но Родриго угрожал Санчо нарушить условие. Враги наши охотятся после победы (сказал отъ ему коню), если мы на развѣтъ нападемъ на нихъ снова, до одо, льемъ въ свою очередь. Санчо принялъ не советъ въ гору, свой советъ и бросился на подвѣдомое и поэтому безмятное войско брата и разбилъ его. Леонцы разсы- ялись; самъ Альфонсъ попался въ плѣно. Но вскоре пошелъ король Санчо былъ изытаннымъ судьбу при осаду замка замора, который хотѣлъ оудить у сестры своей Ураки, и многие подозревали, что удѣльца были подосланы братомъ король, Альфонсомъ, законнымъ наследникомъ престола. Поэтому 12 грядовъ, и во гла- въ ихъ Родриго Диасъ, преемъ ель примеси присягу въ верности новому королю, потребовали у него оисри, зельной клятвы, что онъ не виновенъ въ брахуудѣствѣ. Показано, что король Альфонсъ VI (отъ 1072—1109) не могъ подобно надменному вассала, который былъ прилично его плѣнъ и свидѣтель его униженій. Однако его неудовольствие выражается не сразу: нѣсколькю лѣтъ король и его могучій вассалъ жили мирно, и въ 1074 г. король даже звалъ его на своей родеуветнищѣ Лане,

нтъ, догери графа Обіедскаго; но семъ мѣзь сущей (1081г.),
 Родриго Диасъ ~~уходивъ~~ бѣлъ изгнанъ изъ владѣній Аль-
 фронса VI и уходивъ слушать Юсуфу-Аль-Музахмину, ко-
 ролю сарагосскому, изъ рода Бану-Худовъ. Служеніе хри-
 стіанскаго роцаря мусульманину, равно какъ и слу-
 женіе мусульманина королю христіанскому, въ то
 время бѣло самое обычное явленіе. Родриго не только
 принималъ участіе въ распрѣхъ магометанскихъ дина-
 стовъ, но помогалъ имъ прозвѣ христіанскихъ владѣ-
 телей, Санчо Рамироа, короля арагонскаго и наваррска-
 го, и прозвѣ Раймунда Беренгара, графа Барселонскаго.
 Черезъ некоторое время Родриго снова сошелся съ Аль-
 фронсомъ, но не надолго ему удавалось сдѣлаться интѣ-
 король. Сидъ хотѣлъ вѣнчаться съ Альфронсомъ на Аль-
 моравидовъ, въ южную Испанію. Въ виду непріязни,
 превосходнаго ислама, Альфронсъ разбилъ укреплен-
 ный лагерь на горѣ: Сидъ сралъ передъ нимъ внизу,
 на равнинѣ, выразивъ такимъ образомъ намѣреніе
 прикрѣпить своей дружиной королевское войско. Аль-
 фронсъ бѣлъ глубоко оскорбленъ высокомеріемъ вас-
 сала и осыпалъ его упреками. Сидъ даже бѣлъ об-
 виненъ (въ 1090г.) въ измѣнѣ за то, что не захотѣлъ
 или не могъ явиться къ королю на помощь, бѣлъ ли-
 шенъ всѣхъ своихъ владѣній и съ друзьями получилъ
 свободу для своего семейства. ^{Полѣ} въ изгнаниіе еще худъ,

тиль послѣдствій, Сидъ постышиль удалихся. Онъ на-
 бралъ изъ вѣнчаныхъ людей друшину и ушелъ въ востокъ,
 ную Испанию, гдѣ обложилъ данью многихъ князковъ.
 Когда въ 1092 г. его другъ Алькаадиръ, король Вален-
 сии, за котораго онъ въ послѣднее время управлялъ го-
 сударствомъ, былъ зарѣзанъ своими врагами, и къ хри-
 стианству-кондоуберу събѣжалъ много мусульманъ,
 недовольные новыми правительствомъ, онъ одѣвиль въ
 1093 г. Валенсін войну и взялъ ее послѣ долговремен-
 ной осады 15-го июня 1094 года. Сначала Сидъ очень благо-
 склонно обходился съ побѣжденными и заслужив-
 шихъ признаваемое. По его приказанію, были задѣ-
 ланы вѣсь обращенныя въ городъ окна крышосудныхъ
 башенъ, дабы нескромныя взгляды не могли проникать
 во внутренности могомеранскихъ домовъ. Онъ также
 приказалъ христіанамъ кланяться маврамъ и усту-
 пать послѣднимъ дорогу при возвращеніи съ ними на ули-
 цѣ. Но кровосудъ эта была непродолжительна. Мелая
 овладѣлъ богаревлами Мбиль-Дмахадръ, бывшего голо-
 вой арнезокрачической республики, онъ предалъ его
 позоръ и позоръ казнилъ за украденіе чуждорскихъ дра-
 гоцвѣтностей. Мбиль-Дмахадръ былъ соизвѣстъ шивой
 вѣнчанъ съ семнадцатю другими погнѣными мавра-
 ми. Въ числѣ ихъ погнѣ Абду-Дмафаръ-аль-Батин,
 замѣтательный писатель, соизвѣстелъ котораго одѣ осадѣ

Валенсию Сидомъ воспользовался для своей хроники Альфонсъ X. Тогда-то, по словамъ арабскихъ писателей, оказалась въ полной мере жестокость и коварство Сидомъ относительно къ побывавшимъ врагамъ. Родриго Диасъ умеръ въ своихъ новыхъ владенияхъ, въ 1099г.

После его смерти Дова его Химена болше двухъ леть удерживала завоеванную Валенсию, но наконецъ мавра, не смотря на помощь, присланную Альморавидамъ, овладели своими дождями, — христиане принуждены были снова покинуть Валенсию и уездили ея Альморавидамъ. Химена пересела въ фортезубенной процессии зало мужа своего въ монастыре Педра Карденскаго, откуда въ последнее время его, вышедъ съ женою Химена, пересели въ Бургосъ и положили въ соборъ. У Сидомъ одалось зрое дзей: сынъ и две дочери, Христуна и Марія. Сынъ былъ дубъ въ войнъ съ маврами. Одна изъ дочерей вышла замужъ за инфанта мабаррекаго, другая — за Беренгара Рамона III Барселонскаго; заимъ образомъ Родриго Диасъ по шетской линии является предкомъ королей Испани. Потомки его существовали еще въ XIV столетии и жили въ горѣ въ Валенсию.

Христианскіе хронисцы въ восхоръ озе личности Родриго Диаса: они высравляютъ его образомъ воина, мужа, оца и даше вассала. Но и арабы оеыъ висо,

Сидомъ Кампеадороу. М отъ вполне заслужилъ званіе
популярной звезды: почти всю свою жизнь провелъ онъ
въ борбѣ съ угнетателями своей родины, не испугавши,
сколко палъ извѣстно, ни одного пороженія отъ враговъ,
хотя не разъ былъ изгоняемъ и предаваемъ злымъ кристи,
англиши государямъ, интересамъ козоренъ отъ похва,
жилъ себя; вседневнѣ чего ему не разъ приходилось вѣду,
паръ въ союзу съ мусульманами, для того чтобы по го,
сподерживавшему, и въ то время снхавшемуся справедли,
были, обману оумиру за обиды, нанесенныя ему его же
соотечественниками. —

Но, каковы бы ни были реальныя приключенія его
жизни, приключенія, зоряющіяся въ сумракѣ злыхъ от.
даленныхъ временъ, Сидъ представляется намъ великимъ
защитникомъ своего народа противъ мабризанскихъ
угнетателей.

Не всегда съ достоверностью можно опредѣлить
причины, почему именно го, а не другое историческое ли,
что стало героемъ народной поэзіи; но мы всегда можемъ,
мы предполагаемъ существованіе какихъ специальныхъ
причинъ. Въ данномъ случаѣ мы не нуждаемся въ
предположеніяхъ: передъ нами рядъ фактовъ, прямо
указывающихъ на го, что Родриго Диасъ имѣлъ пол.
ное право снхъ центромъ національнаго зворженія
испанцевъ. На первомъ мѣстѣ, конечно, слѣдуетъ по,

сравнить эфффектность его подвигов: небогатый дворьянин завоевываешь цыпленка царевича, еще в ранней юности подосежи решаешь судьбу бурь, судишь королей, какъ боги, зырь подъядаешь враговъ въ единодворецъ. — Онь подъя, динь именно панпелуница Химено Гарсиа и какого-то сарацника въ Медина-Цели. — Захитиль трагический элементъ въ его судьбѣ: измѣнническое убійство его покровителя, споры съ королями, лишение владѣній, изгнание изъ родины, все это не мало способствовало его поэтической славе: все центральные герои на родныхъ эпосовъ носятъ факто трагическую окраску. Вспомнимъ Роланда, центрального героя во французскомъ эпосѣ,¹⁾ Зигфрида въ Ниделунгахъ, Ружема въ персидскомъ эпосѣ Шахнамѣ, Гангу въ индійскомъ²⁾ и пр. Далѣе, его генеалогическая связь съ королемъ Пена, кѣмъ поэма должна быть поставлена въ число мозивовъ: „нашь Никита Романовичъ“, говоритъ Курчичниковъ, „исключительно ей обязанъ идеализаціей“. Какъ же, покорный вассалъ, Сидъ — герой фреоданскаго дворьянства; а когда подняло голову среднее сословіе, вспомнили незнаемое происхождение оца его, и Сидъ сталъ героелемъ горожанъ“.

а. Латинская поэма о Сидѣ.

Первый по времени дошедшій до насъ поэтический памятникъ славы Сиды, повидимому, не имѣетъ ничего

1) См. „Почесъ о Вландѣ“ (Des Ronsevaux ou de XII Pairs de France) нормандца Пьеролда (около 1150 года).

2) Гангу — два эпоса: Ramajana и Mahabharata.

общаго съ національнаго поэзія: это — алко-сафине,
 ская ларинская поэма, сочиненная какими нибудь мо,
 нахонъ III столѣтій. Мы видѣли уже раньше, что на-
 кануны арабскаго завоеванія научная культура Испа-
 ній сходилъ очень высоко; притомъ нѣмъ хозъ одного
 Меидора Севильскаго, многоученнаго. Этимологія кото-
 раго пользовалась огромной популярностью въ про-
 долженіе всего средняго вѣкова; мы увидѣли впо-
 слѣдствіи, что слѣды этого ларинскаго образованія
 ощущаются въ Испаніи даже до XIV столѣтій; зѣмъ болѣе
 въ XII столѣтій спорадически возрналъ очень ученые
 по своему времени клерики. Взоръ ларинской поэ-
 мы о Сидѣ знаеуъ Томера, Париса, Энея и Эмлаеуъ про-
 славиуъ своего героя въ зѣмъ зѣе скулъ и зѣмъ зѣе раз,
 мѣромъ, какъ Тораніа прославляеуъ Авгуера.

Возъ начало его ларинскаго поэмы о Сидѣ:

dia! lactando populi catervae,
 Campi-Doctoris hoc carmen audite!
 magis qui ejus freti estis ore,
 Cuncti venite!
 Nobiliori de genere ortus,
 Quod in Castella non est illo majus;
 Hispalis novit et Iberum litus
 Quis Rodericus.

Далѣе мы читаемъ слѣдующія строки:

Ipse Rodericus

Mio Cid semper vocatus.

*De quo cantatur, quod ab hostibus haud imperatus,
Qui domuit maurros, comites quoque nostros, etc.*

Само собою разумьеется, что сциллизика и мезрика этой поэмы оставились в значительной мере. Она написана, как на варварскомъ латинскомъ языкѣ и очевидно сочинена, какъ Пикторъ предполагаетъ, одними изъ оныхъ видящихъ осады Алмерию въ 1147 г. Поэма однимъ своимъ героемъ, но скорѣе упоминается, чѣмъ разсказывается, о его подвигахъ; болѣе подробно говорится о его несогласіяхъ съ королемъ Альфонсомъ, о томъ и его подвигахъ въ мавританской Испаніи. Судя по фразѣ *Mio Cid* поэма эта, по мнѣнію Пиктора, первоначально должна была быть написана на испанскомъ языкѣ, и въ этой случаю она представляется собою нечто иное, какъ сборникъ романсовъ.¹⁾

Но въ этой же XIII столѣтіи подвиги Родриго Диаса воспѣвались народными пѣвцами. *Mio Cid* (мой Сидъ) называется почти всегда Родриго Диасъ въ древнѣйшемъ и вѣснѣйшемъ памятникѣ испанской поэзіи, эпической поэмы XII вѣка, это:

б) Poema del Cid (Поэма о Сидѣ).

состоитъ изъ двухъ тысячъ или тысячъ и

Она содержитъ въ себѣ 3000 стиховъ или стиховъ или 3744 стиха, и если къ нимъ прибавить

¹⁾ Латинская поэма о Сидѣ издана Сандовалемъ (*Reyes de Castilla, Pamplona, 1615, fol. 189 и след.*).

уфранные, до всего побережья до 4000 м над уровнем моря, но
 всей втородуности, не позже 1200 года. Содержание по-
 змы, какъ видно изъ самого заглавья, заимствовано изъ
 приключений Сиды, великаго народнаго героя рыцарскихъ
 временъ Испаніи. Характеръ поэмы и господствующее
 въ ней настроеніе вполне объясняются тогдашней борь-
 бой мавровъ и христіановъ, борьбой, въ которой Сидъ при-
 нималъ такое геройское участіе и напряженность
 которой нисколько не ослабѣла во время созданія по-
 змы. Отсюда понятно, почему это произведеніе всецѣ-
 ло проникнуто національнымъ колоритомъ и харак-
 теромъ. Къ народнымъ, нами уже разсмотрѣннымъ,
 романсамъ примкнула заповѣдь и рыцарско-искусствен-
 ная поэзія, открывающаяся какъ разъ „Поэмой о Сидѣ“
 (Poema del Sid) приблизительно около 1150 года.¹⁾

Ознакомившись теперь прежде всего подробнѣе съ содер-
 жаніемъ поэмы.^{1-й раздѣл} Уже замѣчено, что первый суфранъ,
 эти рукописи задержаны; втородуно, въ нихъ разска-
 зывалось, за что, по клеветѣ враговъ, Сидъ подвергся
 королевскому гнѣву. Въ насущныхъ своемъ видѣ по-
 зма начинается съ того момента, когда Сидъ, зомскою
 угрозой неблагодарнымъ королевемъ, бросаетъ послѣд-
 ній взглядъ на башни покидаемаго имъ насущнаго
 замка Биваръ: „Торко тлача“, — говоритъ поэма —
 отъ поворота головы и глядѣть на нихъ. Сынъ видѣть,

1) См. различные мнѣнія о времени происхожденія этой поэмы
 у Шикнора I, 7 и 8.

что борода замка отперза, что на дверях кладовых и в
 засововъ-замковъ, что вьшалки пещи, что охотничьи
 насьези (нашесзи) безъ соколовъ и ясуревовъ. И вздох.
 нуль Май Сидъ, потому что велико было его горе, и
 сказалъ онъ тихо и спокойно: „Благодарю тебя, Фе,
 вышній! возъ это мнѣ едѣлали мои злые враги!“

Сидъ прѣѣхалъ въ городъ Бургосъ, гдѣ у него были свой
 домъ. Мужели этого города высоко чтили Сида, но боялся
 гнѣва короля. Смотрѣлъ бургосци на Сиду въ окна и гово-
 ряць: „О, еслибъ у такого вассала были добрый господинъ!“
 а выдѣри и помощь, ему не смѣють. Потому одинъ доб-
 рый бургосецъ, Марзинъ Анзолитесъ, снабдилъ Сиду
 и его свизу хлѣбновъ, винами и всякою провизіей, и
 рѣшилъ покинуть Бургосъ и связать свою судьбу съ
 судьбой Сиды.

Сиду, еще вчера могучему владѣльцу Гибара и
 другихъ земель, а ныне изгоя — одинъ только выходъ:
 надо идти куда, куда шли все храброе люди его време-
 ни — на границу, гдѣ хрисціане бились съ маврами,
 и добываеъ хлѣбъ войною. Но для войны нужна
 дружина, а для набора и содержания дружины нузи,
 ни деньги, которывъ у него нѣтъ. Надо ихъ достать
 во чтобы то ни стало. Возъ онъ выѣхалъ съ Марриномъ
 Анзолитесомъ поднимаясь на выдумки: они беруть
 два пещевыхъ сундука, наполняютъ ихъ пескомъ и са,

камнями, покрывавоуь красною козней и обивавоуь золо,
 тёмными гвоздями. Марцинь оуправляеуь къ богатствѣ
 бургосскимъ евреймѣ Ракелю и Видасу и предлагаеуь имъ
 скрыть у себя сокровища Сиды, а ему подѣ имъ заложъ въ,
 дауь малыиыя деньги. Евреи были огомъ рады, выдали
 Сиду 600 марокъ и согласились дауь пярву цѣлый годъ
 не оукрывауь сундуковъ, а когда Марцинь попросилъ у
 нихъ подарка, какъ посредникъ, они дали и ему 30 марокъ.

Противѣ гѣмъ покинууь родину, Сидѣ шелаеуь про,
 сязуься съ шеной и дѣтѣми. Селья его просивала въ эо
 время въ монастырь Петра Карденскаго. Притѣхавъ зуда,
 Сидѣ далъ аббату денегъ на содержаніе своей семьи: если
 не хвауьтъ, просилъ зрауьтъ свои, обѣщая вознаграуьтъ
 монастырь вездѣверѣ, и ласково, нѣмко просилъся съ
 шеной. А Марцинь Анголился гѣмъ временемъ на,
 бирауь ему дружинну: многие оставляли свои дома и
 даже владѣнія, стѣта подѣ прославленное знамя
 Сиды, вѣськъ ихъ собралось до 800 копій (т.е. всадниковъ)
 и много пѣшихъ и конныхъ. Ласково встрѣчалъ ихъ
 Сидѣ и обѣщаль, если Богъ ему помощеуь, вознаграуьтъ
 ихъ вѣвое за 70, что они потеряли.

Покинууь владѣнія короля Альфонса, Сидѣ началъ
 на мавританскій замокъ Касейонн и взялъ въ чель
 болышую добычу; но не шелая оукавауься по соотѣству
 съ Альфонсомъ, вскорѣ пошелъ далѣше. Пѣтомъ оны

Берегъ прилежалъ городъ Алжосеръ. Но мабры посла-
ли просить помощи у короля Валенсии и въ свою
очередь осадили Сиду; герой спасается смелой вылазкой.
« Дерзая передъ собой свои щизы, они быстро движутся
впередъ; конья ихъ опущены; знамена и знажки раз,
взбалахотъ по воздуху; склонивши головы къ едлаку,
они готовы энергически броситься въ бурю. — Сидъ бьется
посреди нихъ и далеко разносится по полю голое
гого, кто родится въ славливый часъ —

A grandes voces llama el que en buen ora naceo:

„Ferid los, cavalleros, por amor de caridad,

„Yo soy Ruy Diaz el Cid Campeador de Bivar.“

(Бейте ихъ, рыцари, во имя милосердія,

Я — Руй Диасъ, Сидъ Кампеадоръ изъ Бивара).

Рейсъ проснулся на озрѣдѣ, гдѣ находится въ большой опас-
ности Бермудезъ, знаменитѣль Сиды. « Ахъ, еслибъ вы ви-
дѣли, » восклицаетъ поэтъ, « какъ бѣлые знажки покрас-
нѣли отъ крови, какъ лошади скакали безъ вѣдниковъ! »

Мабры кричатъ: « Магомъ! » Христиане кричатъ: « Свѣ-
той Яковъ! » Въ короткое время пало 1,300 арабовъ. Сидъ
обрацуетъ въ бѣгство всю армию явдниковъ.

Добыча была огромна; на долю Сиды — отъ полу,
цѣль королевскую пядую часть — досталось 300 коней. Изъ
нихъ отдѣлилъ отъ 30, призвалъ къ себѣ одного изъ
дружинниковъ — Микайто, и сказалъ ему: « Послушайте,

Микайя, вы моя правая рука. Я хочу вас послать в
 Касулино с извещением об одержанной нами победе
 к королю Алфонсу, у которого я в опале. Я хочу по-
 слать ему в подарок 30 коней, освобожденных и взыс-
 данных, в богатой добыче: у каждого на седельной му-
 ке по мечу. Возьмем золото и серебро, полный конь,
 мех. У св. Марии Бургосской заплатим за 1000 обходень,
 а что останется, отдадим моей жене и дочерям; пусть
 они пользуются за меня деньгами и конями? Когда Микайя
 прибыл с подарками к королю, Алфонс приятно
 удивился. „Да помилует вас Бог“, сказал он, „кто
 это дарит мне коней?“ — „Мой Сидь Рун Диас, в добрый
 час оподсавивший свой меч, победил в одной битве дво-
 их мавританских королей“, сказал Микайя, „сеньора,
 добыча огромна. Вам, уважаемый король, он послал
 эту вашу подарком. Он хотел у вас ноги и руки и
 молил вас смилостивиться над ним“. Король отвечал:
 „Слишком рано: опальной не можешь через три года
 им войти в милость своего сеньора. Но так как это
 добыча у мавров, я принимаю подарок и с удовольстви-
 ем узнаю о том, что сделал Сидь? За что король
 снял опалу с Микайи и позволил брать, кто по-
 желает идти сражаться под знаменем Рун Диаса.
 Микайя вернулся к Сидю, ведя с собою 200 всадни-
 ков и множество пастухов“. „Боже! какой воз“,

вселилось все войско, что пришло кинайя и привезо
всильно поклоня оу ихъ братьевъ и сестеръ и оу друзей...

Позавидовалъ четькаль Суда графъ Раймондъ Бар.
селонскій и началъ на него съ войскою, въ козорокъ
бали и хрисціане, и маври. Раймондъ баль разбуръ и
вдуръ въ плоть. Не хотель оны оу огорченія прити,
маръ ниши. „Я не съталъ ни одного куска за все богау,
срва чьолой Мспаніи. Тусъ поиднеть гало мое и при,
надеъ дума моя, когда закіе одорванца подбодили ме,
ня въ буръ.“ Послушае, это говоришь генеръ Мой Сидъ
Рун Диасъ: „Озвѣдайте, графъ, эго хлѣба, вынѣте вѣта,
если вы сътлаеъ зо, о чель я проши, вы не будете болне
плънникоу; если нѣтъ, — валь не видаеъ никогда зем,
ли хрисціанской.“ Братъ доу Раймондъ озвѣтаеъ: „ниш,
зе, Родриго, и предавайтесъ радоеу, а я уморю себя, по,
зону что не хочу вѣтъ.“ До зретьяго дня они не могли
уборитъ его; пока они долли богау добвчу, они не
могли убѣдиръ его проглотитъ кусокъ хлѣба. Мой Сидъ
сказалъ: „Съшизе что-нибудъ, графъ; если вы не сра,
неъ вѣтъ, валь не видаеъ болне хрисціанъ; но если
вы събдизе вдоволь для менъ, я освободю васъ и еще
двухъ рыцарей и орунцу васъ доу.“ Когда графъ чела,
халь эго, оны счалъ повеселье. „Сидъ, если вы сътлаеъ,
что одѣцаеъ, я буду удивляеъ валь до конца ниши.“
— „Бншеъ же, графъ, а послѣ обѣда я орунцу васъ и двухъ

Другихъ. Но знайте, что изъ всего того, что вы потеряли,
а я добилъ на полъ дубы, а не оудалъ вамъ ни одной
фальшивой денешки; я ничего не оудалъ вамъ изъ всего
потеряннаго вами, потому что все это нужно мнѣ и
моимъ вассаламъ, которые пошли за мной бѣднѣеками."

Графъ радуется; онъ жребуется воды, чтобы умать себя руки,
и ему подаютъ воду, подаютъ зотмась. Графъ собирается
кушать вѣнчась съ рыцарями, которыхъ Сидъ оупускаетъ
съ нимъ. Боте мой, съ какого охотоа прикинается онъ
за это дело! Напрозубъ его сидеть чохъ, кто родился въ

добрый часъ. „Вели вы мало срамеже петь, графъ, ^{не вдоболь для меня, маосца,} ~~ли не~~ ^{нелся зотмась,}
покинемъ другъ друга". Тогда графъ сказалъ: „оуъ всей

дужи и съ большой охотой". Онъ обѣднеть проворно съ дву,
мъ рыцарями; мой Сидъ на него сморнухъ и радуется го,
му, что графъ зотмъ Раймондъ захъ хорошо дайсубуть
руками. „Если позволите, мой Сидъ, мы готовы въ дорогу.
Прикажице, чтобы намъ подали коней, и мы поведемъ
зотмась. Съ того дня, какъ я сталъ графомъ, я не только съ
закой охотой. Не забуду удовольсвѣя, которое испывалъ
кесерь." Мнѣ подали жрекъ озлнчно оствдланнхъ коней,
хорошее платье, шубы и плащи. Графъ Раймондъ скачетъ
среди двухъ другихъ рыцарей. Касильянецъ провоснаетъ
ихъ до крайней герзы срана. „Вы чѣдеце, графъ, на полную
свободу. Благодарю васъ за то, что вы мнѣ охавляете;
когда вамъ захочется оупуститъ мнѣ, и вы срамеже искажъ

меня, вы меня легко найдёте; если же вы не прикасаете
 меня искаж и оставите меня в покоя, у вас будетъ въ
 барышахъ кое-что изъ вашего или изъ моего добра. —
 Веселисьте, мой Сидъ, будьте здоровы и невредимы; я рас,
 плазился съ вами заazole годъ; никому не придется въ
 голову искаж васъ? Трафъ прищипоримъ коня и цуцился
 въ цуръ; дорогой онъ оглядывался назадъ: онъ боялся, что
 Сидъ раздумаетъ и ворожитьъ его. Но Сидъ за все сокрови,
 ща мiра не пощупимъ ба заавъ: безукоризненный рас,
 царъ никогда не совершимъ неправок.

Цатьмилъ три года боевалъ Сидъ съ Маврами; днелъ
 онъ спалъ, а ночью озиривался въ набтвъ. Наконецъ,
 увеличивъ свое войско новыми пришелицами, онъ оса,
 дилъ Валенсiю и на десятой мѣсяцъ взялъ е.. Кто
 можеть сосчитатьъ золото и серебро, которое доухалое роидя
 людиль Сиды? Все тѣхожимъи сзали владимиками, все
 разбогатыли. Мой Сидъ получилъ ядуцю газъ: ему доста,
 лось 30,000 марокъ серебра; ожального и не сосчитаетъ.
 Сидъ сдоталъ смозръ своимъ войскамъ. „Слава Богу и
 его свдзой мауери, говоритъ онъ самодовольно: у насъ же,
 перъ больше людей, чѣмъ когда мы оставили замокъ
 Биварекiй.“ У Сиды по слезу оказалося 3,600 человекъ, ко,
 зорые пѣдязъ его хлѣбъ.“

Снова посылаетъ Сидъ Минайю къ Ансрокесу; на
 azole разъ Минайя ведеть 100 коней; онъ доломитъ въ,

просить у короля позволение для жены и дочерей Сиды при-
ехать въ Валенсію. Король принималъ еще наскочные послан-
ника Сиды; Химену велелъ отъ проводить съ гаскою, и все
здешники ея нудемсубвѣя принимають на свой счетъ.
Линкай отправился въ монастырь Кардонскій; 500 ма-
рокъ заплашилъ отъ аббату, а на 500 макушилъ для
Химены, ея дочерей и далъ ея свужи вѣдшилъ карбодовъ
въ Тургоствъ. Узнавъ отъ его приездъ, пришли къ нему
Ратель и Вудаель и уняли ему въ ноги. „Смалгусь надъ
нами, знаменитой рыцарь! говоримъ оти. Сидъ насъ
совестиль разорилъ. Мы отказываемся отъ Барышей, зольско
бои намъ возврадили капиталъ.“ — „Мы одумаемъ это
съ Сидомъ, озвѣчають Линкай: отъ вознаградишь васъ
за все.“

Радостно и горшезубенно возрзидилъ своихъ Сидъ,
отъ выехалъ швъ на безрочу на своемъ конѣ Бабикъ.
„Войдице со мною, говорилъ Сидъ, въ эту отгизну, козорую
я приобрѣлъ для васъ? Мена и дочери цѣловали его руки
и съ нимъ вѣнцель вошли на Башню Алвсазаръ, откуда
Сидъ показало швъ свои владенія.“

Между тѣмъ, въ Валенсію уже былъ свой епископъ:
пользуясь королевскими правами, Сидъ возвелъ въ это
званіе одного мудраго монаха Геронима, козорый при-
шелъ сюда искаре спасѣн въ войнѣ съ мабрами.

Жизнь Сидъ прожилъ спокойно. Но въ марѣ при-

шелъ въ Испанію Юсуфъ, король марокскій, и разсѣавилъ
 вокругъ Валенсіи свои безчисленныя палатки. Менуга,
 имѣя Химама и двѣ дѣвочки, убѣдиль ихъ съ высоты баш-
 ни; но Сидъ ихъ успокоилъ. "Эго къ намъ пришло богатство.
 Все ромско-го пришло к намъ, а возъ валъ и подарковъ. Ма-
 вры несутъ приданое для нашихъ дочерей". Передъ сраженіемъ
 ели Геронимъ ослушавшій для войска обѣдню и панцу-
 сывовалъ воиновъ, сказавъ: "Кто будетъ убить, сражаясь на,
 цюмъ къ лицу съ врагомъ, тому я даю отпущеніе грѣховъ:
 Господь возьметъ къ себѣ его душу." За обѣдню епископъ
 спросилъ себѣ право на первое удары въ битвѣ: и дѣй-
 ствительно, онъ сражаясь въ битвѣ обѣими руками, за что
 это собою измучился.

Счастливы были для Сиды первый день, еще счастли-
 вѣе второй. Мавры были разбиты на голову, и весь ихъ
 срамя достался въ руки побѣдителей.

На далью Сиды пришла огромная добыча, однихъ
 коней 1500 штукъ. Десятину изъ нея опредѣлили отъ для
 церкви, а 200 коней и палатку марокскаго короля рѣ-
 шили послать Альфонсу. Микайя было посланъ въ Ка-
 сцилио ояръ, и еще ласковѣе принявъ его Альфонсъ,
 а къ ихъ господину Сиду выказавъ великое уваженіе.
 Тогда-то два принца, донъ Діего и донъ Фернандо, ит-
 францы Каріонскіе, обратились къ королю съ просьбой
 сосватать за нихъ дочерей Сиды. Альфонсъ сознается

въ своей несправедливости къ Сиду: „Многоли я ему сътылаю,
а отъ мнѣ заплачуль доброты. Не знано, Бюдеръ ли ему при-
ярень зрюъ бракъ; но уакъ какъ въ зого шеллаге, можико
попытаеся.“ Онъ сообщилъ о шеланин ишфранзовъ послан-
ныкъ Сиду и пригласилъ его самого на свиданіе.

Предложение ишфранзовъ не огенъ понравилось Сиду:
онъ зналъ мѣ за людей гордыль и надменналь; но рѣ-
шилъ уважить связобуко короля. Мартыкъ Того свѣхался
Алфонсъ съ Сидомъ. Увидѣвъ своего короля, Сидъ уталъ
ему въ ноги. Самъ король служилъ факиль знакомъ мо-
корноски. „Везанге, Сидъ Камнеадоръ, говорилъ онъ, цѣ,
лдире зюско лото руку, но позналциса не ноги.“ Но
Сидъ продолжалъ сфодъ на колѣнѣхъ, всмаливая себѣ
прощенье; король просилъ его озъ всего сердца. Сидъ и
король угроцали другъ друга и рѣшили вопросъ о бракъ.
Сидъ взялъ своихъ будущиъ здржевъ въ Валенсию и зоръ
мѣсѣвно оурадновалъ замъ свадьбу дочерей. Празднество
продолжалое двѣ недѣли; ишфранца получили огром-
ное приданое. „Здѣсь оканчиваеся сѣхли зюи пѣсни;“
говориць позрь, „да помогуъ валъ Создаецъ и въ его
свѣзѣ.“

II-ая часть поэмы.

II часть.

Эта часть тѣхъ пѣсней содержитъ извѣстную ссору Сиды
съ здржеми. Возъ ея подробное содержаніе:

Ишфранцы Каррионскіе недолго ушлише въ доброты

1) и объявленіе о вѣнчаніи бракъ дочерей Сиды съ ишфранцами Навар-
ры и Арагоніи, благодаря гелю Сидъ Камнеадоръ восходиць на высокую
супенъ погезей и родниць съ королевскими домами Испаніи.

согласи съ Сидомъ: они были недоушойные и урусливые люди; придворные франца губовували себя не на мѣсто среди воиновъ Сиды, которое бѣльмъ были обязаны своєю храбрости.

Възъ, когда Сидъ сталъ, вырвался изъ клязку лѣвъ; воина бросилъ охраняя стѣнаго господина, а инфранцы, суранино перенуганные, замрзали какъ можно дагше. Сидъ про, смулся и пошелъ на вертугу лѣву; горъ оробѣлъ, и Сидъ, будъ, го ружного, озвелъ его въ клязку. Массилу разыскали зявъ, евъ. Въсь закъ смѣялись надъ ними, что Сидъ долготно былъ вѣтъмъ въ дѣло.

Снова началъ на Валенсию марокскій король; въ радовались слугамъ отличиться и раздѣлаться; золько инфран, ци были огенъ опечалены; самъ Сидъ предложилъ имъ охран, ся въ Валенсию. Но они болето и неволето были въ войско въ время сраженія, золько храбрости большой не показа, ли, и когда Сидъ хвалилъ ихъ, дружина смѣялась втихо, молку.

Чтобы не понадаръ въ какія положенія, инфранца рѣшили ухлѣтъ изъ Валенсию съ женами и приданымъ. Они еще заранѣе рѣшили охмѣтитъ свой позоръ на до, гервѣхъ Сиды; вполне законными жѣнами они ихъ не считали, какъ какъ зъ были ниже ихъ по происхожденію.

Тѣмъ же было Сиду разсуждаться съ дочерями, но онъ не прозвороталъ рѣшению зявъевъ. Три разсуж, ванси онъ далъ инфранцамъ много денегъ и драгоценн.